

The background image is a dark, nighttime photograph of a garden. In the middle ground, a small, glowing, dome-shaped light sits on a bed of light-colored stones. The light casts a warm glow on the surrounding area. In the foreground, a large, dark shadow of a spider web is cast onto a surface, creating a prominent, intricate pattern. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Паучье логово Камень Демиурга

книга третья

Ирина Енц

Ирина Енц

**Паучье логово. Камень
Демиурга. Книга третья**

«Автор»

2023

Енц И. Ю.

Паучье логово. Камень Демиурга. Книга третья / И. Ю. Енц —
«Автор», 2023

Третья книга из цикла «Камень Демиурга» продолжает повествование героев Олега и Катерины. Им придется вступить в битву с врагом, мечтающим захватить безграничную власть над миром и обрести вечную жизнь. Предстоит тяжелая борьба с кланом «Копейщиков», где будут жертвы и лишения, новые встречи и горестные потери. Олег попадает в заключение, и выволить его берется Катерина с верным другом медведем по имени Асхат. Трудные решения, тяжелая ноша ответственности — это лишь малая часть того, с чем придется встретиться на этом нелегком, полном опасностей и ловушек, пути.

© Енц И. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Енц
Паучье логово. Камень
Демиурга. Книга третья

*Но когда обрушится на землю
Животворный мощи торжество,
Смертный свой удел
Легко приемлет
Все, что в мире этом не мертво.
Николай Сундеев*

Глава 1

Олег собирался сегодня на работу с каким-то странным чувством. Словно в ожидании каких-то судьбоносных событий. Причем, чувства опасности при этом не было. Совсем никаких. Но, все равно, все это как-то сильно настораживало. А еще больше раздражало это ощущение некой неизбежности происходящего, словно он утрачивал какой-то иллюзорный контроль над событиями. Он прекрасно понимал, что, по сути, никакого контроля над всем происходящим у него и не было вовсе. Но свои поступки и действия он мог худо-бедно планировать до сегодняшнего дня. А вот сегодня должно было произойти что-то такое, что изменит полностью всю ситуацию. Конечно, наверное, это было и хорошо. Потому что он уже устал от некоторой безнадежности происходящего. У него по-прежнему не было доступа внутрь комбината, и он не имел ни малейшего понятия, как это изменить. Ну не брать же в конце концов эту чертову фабрику на абордаж! К тому же, и абордаж ни к чему бы хорошему, или, по крайней мере, более или менее результативному, не привел, за исключением, пожалуй, того, что он полностью бы себя раскрыл. А участь его при этом была бы очень печальна. И не факт, что он смог бы с этим в одиночку справиться. Ведь и пропавший Страж и курьер – были людьми не простыми, и голыми руками, за здорово живешь, их вряд ли бы смогли взять. Конечно, Копейщики – люди безо всякой чести и совести, но и у них это просто так бы не получилось. Значит, было что-то у этих Копейщиков, чего не могли предвидеть ни опытный страж, ни даже сами премудрые Учителя, отправляющие курьера с доглядом.

Он направился на работу, и по дороге до самого моста его не покидали мысли на тему, что за приборы или люди смогли выстроить около врат ту стену-ловушку, которую он тогда смог почувствовать. Что это были не люди, он был почти в этом убежден. Но вот как можно было проверить свою версию, он не знал. Но точно понимал, что, разобравшись с этим, он решит и саму проблему.

Как бы он не был увлечен решением этой загадки, защита и, так называемый, плащ невидимости или, точнее сказать, рассеивания внимания от собственной личности, он накинуд автоматически, только ступив за порог избы бабы Марфы. Дойдя до моста, он словно на стену, наткнулся на чье-то пристальное внимание. Отбросив из головы все загадки, он усилил морок по отводу глаз, но от внимания все же не избавился. И это уже сильно настораживало. Сквозь этот морок, он будто щупальцы, выпустил поисковые нити. Нужно было понять, кто это у нас тут был такой любознательный. Как ни странно, но опасности он по-прежнему не ощущал, и это было удивительнее всего.

Вскоре он обнаружил того, кто проявлял к нему такой пристальный и не нужный для него интерес. Защита у человека была так себе, и Олег, не церемонясь, практически одним сильным рывком проник за эту хлипкую стену, и... обомлел! Это был тот самый, один из членов экспедиции, который его в прошлый раз шантажировал Катериной! Олег слегка даже оторопел. Ну никак не мог он ожидать встретить этого «ученого этнографа» здесь. Насколько он знал, оба из двух выживших стали пациентами психушки. А насколько он мог судить, сейчас здесь был совершенно адекватный человек с полностью здоровой психикой! Причем, изучение его сущности показало, что каких-либо злобных намерений в его, Олега адрес, этот человек не питает. Его аура светилась зеленовато-каштановым цветом интереса, если не сказать, любопытства, с легкими малиновыми росчерками страха, что тоже было вполне объяснимо. Бесцеремонное вторжение Олега в мозг этого человека приносили последнему страдания и головные боли. Уж очень резко Олег взломал его защиту. Но даже тогда, его аура почти не изменила своего цвета. Любопытство, прямо-таки жгучее и неумное, граничащее с маниакальными стремлениями, только усиливалось. Ни злости, ни ненависти, никаких недобрых чувств Олег не чувствовал.

Он подошел почти вплотную к углу дома, за которым прятался этот тип, и остановился. Тот вышел, слегка пошатываясь и морщась от боли, встал напротив Олега и почти спокойно произнес:

– Ну здравствуй, Один... Вот и свиделись.

Выдержка у мужчины была прямо-таки потрясающей! У Олега мысли стали обгонять одна другую. Значит, он не знал его настоящего имени, по крайней мере того, которое значится в его заявлении о приеме на работу. Откуда он тут вообще взялся, и как сумел избежать общей участи тех, кто силой проникает во врата? А главное, что ему сейчас надо? То, что, он не собирается Олега сейчас шантажировать, было понятно сразу. Тогда что? На долгие размышления времени уже не было, нужно было что-то срочно предпринимать, пока они не начали привлекать чье-либо ненужное внимание. А то, что здесь повсюду глаза и уши, Олег даже и не сомневался. И он принял единственное верное решение в данной ситуации. Нужно позволить этому человеку самому озвучить то, зачем он здесь поджидал Олега. Но передавать инициативу в разговоре этому странному типу он не собирался. Олег выжидательно замер напротив странного человека, давая возможность высказать тому все, что он хочет или сочтет нужным. А то, что это будет правдой, Олег даже не сомневался. Контролировать мозг «ученого» Олег не переставал ни минуты, только чуть убавил жесткость своего присутствия, чтобы совсем не лишать его возможности говорить, чувствовалось, что того очень сильно тревожит головная боль.

Не получив никакого словесного отклика, человек слегка смутился, и нерешительно произнес:

– Ты меня помнишь?

Олег продолжал молча разглядывать говорившего, не предпринимая никаких ответных действий или намерений поддержать разговор. Повисла пауза, которая доставляла некоторую тревогу мужчине. Она явственно запылала темно-оранжевыми всполохами в его ауре. Он почти просящим взглядом смотрел на Олега, ожидая от того хоть какого-то отклика. Олег слегка усмехнулся и тихо спросил:

– Как тебя зовут?

Человек обрадованно заморгал и попробовал робко улыбнуться:

– Я Сергей... – И поспешно добавил, – Сергей Елезаров. Мы можем друг другу помочь. – И опять беспомощно замолчал, вертя в руках какую-то черную коробочку.

Усмешка на лице Олега стала чуть шире и менее издевательской.

– И чем же мы можем с тобой помочь друг другу, Сергей Елезаров?

Елезаров поспешно заговорил, не обращая внимания на легкую издевку в голосе собеседника и настороженно оглядываясь:

– У меня мало времени. Мое долгое отсутствие может вызвать подозрение. Я предполагаю, зачем ты здесь. И я могу помочь тебе найти твоих... – Он несколько замялся, пытаясь подобрать слово. Наконец, решив что-то для себя, проговорил. – Я знаю, где находятся твои друзья...

У Олега даже дыхание остановилось на какой-то момент. Так не бывает! Нужно быть предельно осторожным! Но, если это ловушка, то весьма странная, и какая-то несерьезная, что ли. Ловушки так не расставляют. Хотя, от Копейщиков можно ожидать чего угодно. Но и не воспользоваться этим, с позволения сказать, предложением, он тоже не мог. Это был его шанс. Пускай маленький, пускай совсем ненадежный, но все-таки, шанс. Иначе здесь можно было проработать на этом комбинате до пенсии, и так ничего и не узнать. Чуть охрипшим от внезапного волнения голосом, он спросил:

– А взамен...?

Елезаров поспешно ответил.

– Взамен, я хочу, чтобы ты мне помог разобраться. После того случая, ну ты помнишь... В общем, после врат, со мной стало происходить что-то непонятное, со мной и с моим разумом. – Голос говорившего почти стал умоляющим. – И я хотел, чтобы ты мне помог в этом разобраться... Я знаю, ты – один из тех, что управляют вратами. И ты сможешь мне помочь... если захочешь. – Он замолчал, неуверенно поглядывая на собеседника.

Олег не удержался от легкой усмешки.

– А что же твои друзья...? Не помогут? Насколько я знаю, в ваших рядах такие, как ты очень ценятся...

Сергей поморщился, словно у него усилилась головная боль.

– Я им не верю... – Ответил он просто. Потом протянул ему на ладони черную коробочку. – Вот, в знак нашего сотрудничества прими. Это поможет тебе избавиться от влияния излучений, которые управляют человеческим мозгом.

Олег с опаской покосился на черную коробочку, но не взял, а молча разглядывал подношение, а потом и с подозрением глянул на самого «дарителя». Елезаров поспешно заговорил:

– Не бойся. Здесь нет никакого подвоха. Такими наушниками снабжены все ценные работники комбината. Я знаю, где они хранятся, и, думаю, без труда смогу достать для себя еще одни. А тебе это может пригодиться. – И он опять сделал жест, предлагающий Олегу взять коробочку.

Тот взял ее осторожно двумя пальцами, повертел перед глазами, словно сканируя, а потом осторожно раскрыл. Увидел две бусинки наушников, и вопросительно глянул на Елезарова. А тот опять торопливо проговорил:

– Их просто вставляешь в уши, и они гасят всякое излучение, которое влияет на мозг человека. А сейчас мне нужно бежать. Да и тебе, наверное, не следует опаздывать на работу, чтобы не вызвать подозрения. Но я бы хотел договориться с тобой о встрече в каком-нибудь более укромном месте, чем улица этого поселка. Только я пока ничего здесь не знаю. – И опять умоляющие нотки засквозили в его речи.

Олег на секунду задумался. Хм... Явки, связи, пароли... Как у настоящих разведчиков. И здесь была определенная доля риска. Подставлять друзей ему бы не хотелось, но и вытаскивать Елезарова в лес было бы неправильно. Тому будет сложно объяснить своим «друзьям» или работодателям, кем он их там считал, за каким лешим его потянула в такое неурочное время на природу. Оставался только один вариант, и Олег решил им воспользоваться.

– Надеюсь, никто не заподозрит тебя в злом умысле, если ты захочешь зайти в магазин, скажем за конфетами, которые тебе напоминают детство, называемые «Дунькина радость». Они как раз-таки продаются в местном магазине продуктов на железной дороге. Там и встретимся завтра, скажем часов в десять утра. Устроит тебя такой вариант?

Елезаров пожал плечами.

– Я не уверен, что в десять смогу. У меня есть свои обязанности, и мое время тоже контролируют. – Но, увидев, как Олег нахмурился, поспешно добавил. – Но я постараюсь. Скажем, с десяти и до одиннадцати. В этом промежутке. Тебя устроит?

Олег неопределенно пожал плечами.

– Давай попробуем, но, если я целый час буду торчать в магазине и ничего не буду при этом покупать, это тоже вызовет массу ненужных подозрений. Но... давай попытаемся.

Елезаров молча кивнул, и развернувшись, быстрым шагом направился к проходной. Олег постоял еще некоторое время возле дома, глядя в спину удаляющемуся человеку. Аура у того слегка приобрела более сглаженные, пастельные тона, словно его настроение изменилось, стало более уравновешенным и спокойным. И это тоже было лишним, пусть и косвенным подтверждением его честности. Хотя Олег очень хорошо понимал, что доверять в полной мере своему новому – старому знакомцу он не может. До начала работы оставалось чуть меньше десяти

минут. Опаздывать и вправду не стоило, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Неторопливым шагом, он направился следом за Елезаровым.

Ситуация была крайне опасная. Он буквально всей кожей ощущал эту опасность. Вступая в игру с этим человеком, Олег очень сильно рисковал. Но, с другой стороны, Сергей мог его просто выдать своим друзьям, и для этого вовсе не стоило встречаться с такими рисками быть увиденным кем-то из своих же соратников. Тем ни менее, Елезаров идет на такой риск, и даже дает ему эти наушники, которые защищают от излучений их дьявольских аппаратов. Над этим стоило хорошенько подумать. Хотя также, Олег прекрасно понимал, что такими темпами, как он продвигался до этого, он может ходить на работу в качестве дворника еще очень долго и безо всяких результатов. Рискнуть стоило. Приняв такое решение, он несколько успокоился. Всегда принятое решение успокаивало, несмотря на грозящую опасность. Путь вперед внезапно стал более четким, и по нему можно было двигаться, а не топтаться на месте, как это было до сих пор.

На часах было ровно без одной минуты пять, когда он вошел на проходную. Старик вахтер посмотрел на него из-под очков недовольным взглядом, но, по сути, придаться было не к чему, и он, пробурчав что-то нелицеприятное про тех «которые ходят и ходят тут», ограничился злобным зырканием в сторону Олега. Рабочий день, точнее, вечер проходил, вроде бы, как обычно. Только Олег, почему-то, чувствовал на себе опять чьи-то пристальные взгляды. Проверить свои ощущения путем ментального прощупывания он не мог. Приходилось полагаться только на свое чутье и интуицию. Все чувства у него были обострены до предела, и он не мог дожидаться окончания рабочего дня. В конце концов, он приписал это свое состояние повышенной мнительности, встрече с Елезаровым. Черная коробочка, лежащая в его кармане, будоражила мысли, и он ловил себя на том, что время от времени рука сама тянулась к карману. Но каждый раз он себя останавливал, понимая, что привлечет этим ненужное внимание. Проверить работу наушников очень хотелось, и он решил, что испытает их возле Глухариной пещеры. Даже если там что-то случится, то он сам будет вне зоны чьего бы то ни было навязчивого внимания.

Олег напомнил себе, что на завтра назначил встречу этому странному мужику в продуктовом магазине Михася. Это следовало обставить, как случайную встречу, чтобы не привлечь внимания к самому Михасю и его семье. Тоже задача была не из простых. В подсобку их Наталья, жена Михася, конечно, пустит. Только как это можно будет объяснить самому Елезарову? Не сказать, что Олег опасался предательства со стороны нового-старого знакомого. Но он прекрасно понимал, что Елезаровым могут воспользоваться Копейщики просто, как подсадной уткой, а сам Сергей может об этом даже и не догадываться. И какого-то другого места встречи Олег придумать там, на ходу, просто не мог. Не так много у него здесь было надежных мест. Друзья, Михась со Слоном, да баба Марфа с Антоном. Но рисковать их жизнями у Олега не было ни малейшего желания. А потом, он все еще помнил то липкое чувство страха, которое расслабляло все его мышцы, заставляя их трястись и вибрировать, словно подтаявший холодец на блюде, и полную пустоту в голове, когда его этот вот самый Елезаров шантажировал у врат Медвежьего Яра Катериной.

Да, задача была не из простых, но слово было сказано, и отступать уже было поздно, да и некуда было ему отступать. Необходимо было предупредить Михася со Слоном, что в случае чего, знать ничего не знают и ведать не ведают, а только и всех знакомств было, что сидели в разных зонах по одной статье, потому как работали на одном прииске. Глядишь и пронесет мимо друзей беду неминуемую. Если разбираться уж совсем по сути дела, то мужики ведь действительно ничего не знают о его жизни. Он сам себя похвалил за разумную предусмотрительность, когда не стал посвящать их в свои проблемы. Даже если Копейщики выйдут на них, и примутся сканировать мозг, то ничего существенного против Олега они там не найдут. Хотя, в самой процедуре не было ничего приятного, но это было можно пережить. А вот,

если бы «проверяющие» наткнулись там на какую-то стоящую информацию, их заинтересовавшую, тогда бы они натурально «выпотрошили» весь мозг, и вернуть человека после этого к нормальному состоянию было весьма проблематично.

Все эти мысли носились в голове Олега, пока руки механически выполняли привычную работу. Он так глубоко ушел в анализ ситуации, что даже не заметил, как к нему подошел его непосредственный начальник Владимир Иванович. Очнулся Олег только тогда, когда начальник хозчасти громко и недовольно покашлял за его спиной, стараясь привлечь внимание к своему появлению.

– Олег Николаевич, о чем это вы так глубоко задумались, что даже не обращаете внимание на приход начальства?

Вопрос был задан весьма ехидным тоном. Олег моментально постарался придать своему лицу простецкое туповатое выражение, и вытянулся в струнку перед подошедшим, склонив при этом покорно голову. Мол, прости, барин, виноват, больше не повторится. Завхоз окинул его фигуру с ног до головы суровым взглядом, и, кажется, остался вполне доволен увиденным. Покряхтев еще для создания сурового образа, начальник ворчливо проговорил.

– Зайдите завтра перед работой в отдел кадров к Маргарите Алексеевне. Нужно уточнить кое-какие ваши анкетные данные.

Кинув еще один строгий взгляд на замершего в покорной позе дворника, заложив руки за спину, завхоз чинно удалился в сторону своей конторы, похожий в эту минуту на важного и неуклюжего пингвина. Олег проводил его взглядом, пока начальство не скрылось за дверью конторы, и принялся дальше, как ни в чем не бывало, мести дорожки. А мысли лихо-радочно заскакали блохами, не схватить их и не приструнить. То, что этот вызов был не из простых, Олег понял сразу. Иначе завхоз не пришел бы самолично, а просто бы передал по телефону информацию на вахту. Видимо, бывшему прапорщику было дано указание внимательно проследить за реакцией дворника на это сообщение. То, что это произошло сразу практически после встречи с Елезаровым, тоже наталкивало на некоторые невеселые размышления. А главное, нельзя было немедленно, прямо сейчас пойти и все выяснить! Следовало терпеливо дожидаться завтрашнего вечера. И это невероятно раздражало и даже напрягало. И тут, Олег, будто наяву, услышал голос своего Учителя Тверда: «Никогда не торопи события. Жизнь идет своим чередом, и неизвестно, что там ждет тебя за поворотом. И если судьба дает тебе паузу, значит, у тебя есть шанс подготовиться к новым испытаниям. Взвесить все «за» и «против», как следует оценить свои силы и шанс выйти с честью из предстоящего испытания. Будь благодарен судьбе за паузу, потому что это говорит только об одном – судьба тебя любит и балует. Цени это...»

Олег как-то сразу расслабился, и стал заниматься своим ставшим уже привычным делом. Он давно уже был готов ко всему. А шансы выйти победителем из этой истории у него были весьма приличные. Теперь с «глушилками», которые дал ему Елезаров он, по сути дела, становился почти неуязвимым для Копейщиков. Правда, следовало еще проверить, как это работает. Завтрашнее утро следовало посвятить встрече с Елезаровым, которая могла неизвестно чем закончиться. Поэтому, проверить наушники в действии он решил прямо сегодня, сразу после работы. Да и ночь его укроет, словно Берегиня, своим темным плащом, и защитит ото всех ненужных глаз и ушей.

Глава 2

Сергей шел быстрым шагом к проходной, окрыленный некоторым успехом первой встречи с Одином. Конечно, тот ему ничего конкретного не обещал, но назначенная им на завтра встреча уже говорила о многом. Он по себе знал, что это нелегкий путь превращения из противника, пускай хоть и не в друга, но хотя бы уже и не во врага. Сергей и не планировал превращаться в друга. Все происходящее он рассматривал просто как сделку. Они могут быть полезными друг другу, конечно, до известных пределов. Пока он не мог сказать, где эти самые пределы будут, но у него было много других проблем и без глубоких нравственных копаний в собственной душе.

Почти возле самой проходной он слегка опомнился и сбавил шаг, перейдя на легкий прогулочный. С независимым видом, демонстративно не обращая внимания на вахтера, Елезаров прошел на территорию комбината и сразу направился к вагону, в котором он жил вместе с Пауковым. Он очень хорошо помнил, откуда тот доставал ту черную коробочку с наушниками, которую он сегодня отдал Одину в знак своих честных намерений. А также, он хорошо помнил, что это была не последняя коробочка в ящике письменного стола. По дороге к стоянке вагона он, как ни странно, не встретил ни одной живой души. Скорее всего Пауков вместе со своим управляющим еще находились в офисе. Это было как нельзя более кстати.

Сергей прошел в вагон, воспользовавшись своим универсальным ключом, и сразу направился в гостиную-кабинет. О наличии следящих камер он не беспокоился. Пауков бы не позволил никакой слежки за собственной персоной. Ящик стола был закрыт. Но замок был довольно простым и Елезаров справился с ним меньше, чем за одну минуту. Он не ошибся. В столе лежало несколько десятков таких коробочек. Особо не мудрствуя, он взял первую попавшуюся, бегло глянул на содержимое, убедившись, что бусины наушников в ней точно такие же, как и в той, что он отдал Одину. Сунул коробочку в карман, и закрыл ящик стола. Не задерживаясь в гостиной, он прошел в свою спальню, и лег поверх покрывала на кровать, скинув только теплую куртку. И весьма вовремя. Буквально через минуту, он услышал, что в вагоне кто-то появился. По легким осторожным шагам он сразу определил управляющего. Елезаров прикрыл глаза, делая вид, что он дремлет, но оставался при этом достаточно собранным и напряженным.

Дверь осторожно приоткрылась, и Сергей услышал деликатное тихое покашливание, а затем раздался негромкий голос управляющего:

– Сергей Станиславович, извините ради Бога... Но Виктор Анатольевич просит вас пройти срочно в офис. Дело не терпит отлагательств.

Елезаров, будто нехотя открыл глаза, слегка при этом поморщившись, тяжело вздохнул и тяжело поднялся, изображая непроходящую головную боль. Но также, всем своим мученическим видом выражая некую готовность нести службу, мол, если надо, значит надо, и он, Елезаров не пожалеет живота своего на благо шефа и соратника, да и самого ДЕЛА. Именно так, дела с большой буквы. Он очень надеялся, что управляющий своим чутким сердцем уловит все эти нюансы его мимики, и по достоинству оценит его мужество. При этом, он старался явно не смотреть на Эдуарда, пытаясь уловить его эмоциональный фон. Судя по тому, что он чувствовал, его маленький спектакль вполне удался. Явные нотки сочувствия расплылись в воздухе за его спиной в виде бледно-зеленых сполохов, исходивших от его сопровождающего, пока они следовали по коридору в сторону офиса. Елезаров впереди, а Эдуард Александрович сзади, как и следовало вышколенному управляющему.

Пауков их встретил чуть не с распростертыми объятиями, тщательно изображая из себя доброго дядюшку, встревоженного состоянием здоровья любимого племянника.

– Сережа, как ты? Как твоя голова? Надеюсь, прогулка тебе пошла на пользу?

Елезарову показалось, или взгляд «дядюшки» при последнем вопросе стал более пристальным. Сергей решил, чем более по-хамски он будет себя вести, тем лучше. Он поморщился, и пробурчал почти сквозь зубы:

– Какая может быть польза за полчаса. Да еще, когда голова забита всякими проблемами. Я только собрался отдохнуть, как тут вы меня вызвали. Надеюсь, повод был существенным, а не просто для пустых разговоров?

Последнее предложение прозвучало откровенно грубо, и Сергей подумал, что он, наверное, слегка переборщил с этим. Пауков – противник опасный и изворотливый, и его нельзя было недооценивать, и перегибать палку тоже было нельзя. Но, как ни странно, Пауков почти никак не отреагировал на его явное хамство, а спокойно произнес:

– Эдуард Александрович расстарался и добыл дела твоих эков, которые прошлый раз работали с вашей экспедицией. – Последнее слово он произнес с легкой издевкой. Выдержав небольшую паузу около минуты, ожидая реакции Елизарова, не дождавшись, с некоторым разочарованием произнес. – Там в одном деле одного из эков по прозвищу Красавчик, мелькало прозвище «Один». Сейчас мы ждем, когда нам доставят дело этого самого Одина. Судя по всему, они работали на одном прииске и сели по одной статье, но в разных зонах. Отсюда знакомство этого Красавчика с твоим Одином. Пока мы ждем дело, просмотри дело Красавчика, может и найдешь что-то полезное для дела.

С этими словами Пауков протянул Елезарову серенькую картонную невзрачную весьма потрепанную папку, перевязанную подранными замусоленными веревочками. С некоторой опаской Сергей взял в руки эту папку, словно это был не кусок картона, а склизкая мерзкая жаба, только что вылезшая из болота. Не скрывая своей брезгливости, он развязал замусоленные веревочки и углубился в чтение казенных фраз. Ничего особо интересного в деле Красавчика Елезаров не обнаружил, пожалуй, за исключением упоминания всех тех, кого взяли по этому делу. Среди имен было и имя Одина. Точнее, его кличка. Имени его Красавчик не знал.

Дочитав дело до самого конца, Сергей сделал вид, что его что-то заинтересовало в середине дела, пролистнул несколько страниц назад и принялся, якобы, внимательно всматриваться в листок пожелтевшей от времени бумаги. А на самом деле, он понял, что сейчас, когда принесут дело Одина, они смогут узнать какую-то его тайну. А что еще более вероятно, что Один из некоего таинственного, почти сказочного персонажа превратиться в обычного человека с непонятным и банальным прошлым. Почему-то это Елезарова очень раздражало. Словно у маленького ребенка отнимали, вот прямо сейчас, его мечту в чудо, отчего мир на глазах утрачивал свои яркие краски, превращаясь в унылую, серую и однообразную картину. Пауков, по-видимому, устав за ним наблюдать, подозревал Эдуарда, и они стали о чем-то негромко переговариваться между собой. Так прошло еще минут двадцать. Елезаров упрямо шелестел листками дела, Пауков с управляющим о чем-то шушукались, сидя за столом. Внезапно, в эту монотонность ворвался звук селекторной связи, и какой-то механический голос секретаря, больше похожий на голос робота, произнес:

– Виктор Анатольевич, доставили документы.

Все сразу встрепенулись. Пауков взглядом отправил Эдуарда в приемную, сразу став каким-то собранным и напряженным. У Сергея промелькнуло в мозгу, складывалось такое ощущение, что шеф от этих бумаг ждет чего-то невероятного, по меньшей мере, раскрытия всех тайн. Хотя все понимали, что это было глупо, так думать. Ведь это было обычное уголовное дело. Ну узнают они его настоящее имя, и что? Ну что это им даст? И сам же ответил на свой вопрос. Ничего, кроме некоторого разочарования персонально для него, Елезарова Сергея. Тем временем, метнувшийся в приемную управляющий, уже вернулся обратно и положил на стол перед шефом точно такую же картонную папочку, какая сейчас лежала перед Елезаровым.

Сергей с большим трудом удержался, чтобы не подскочить к столу и не выхватить из рук шефа эту папку. Лениво потянулся, заставив себя еще раз перелистать несколько бумажек в деле Красавчика, затем закрыл дело, аккуратно завязал замызганные тесемки, отодвинул от себя папку на угол стола, и только потом обратился к Паукову с небрежным вопросом:

– Ну, что там...?

Пауков не ответил. Он сидел, откинувшись на спинку кресла и смотрел на раскрытую папку, словно та могла на него сейчас наброситься и покусать. Или скорее не так. Словно он увидел привидение. Елезаров, удивленный таким поведением шефа, молча обошел его кресло и посмотрел в папку. Казенные фотографии, не самого лучшего качества, давали смутное представление о фигуранте, но, благодаря знаменитому шраму, Сергей без труда узнал на ней Одина. Его настоящее имя было Важин Олег Ильич. И сел он в тюрьму в довольно молодом возрасте, только – только исполнилось восемнадцать. Ничего большего Елезаров прочесть не мог из-за плеча шефа. Но, ему почему-то казалось, что и Пауков ничего большего прочесть не успел. Интересно, что же так произвело на него впечатление? Но вопросов, естественно, Сергей ему не задавал, а свое наигранное хамство он решил приберечь до другого раза.

Почему-то ему показалось, если бы он сейчас сказал Паукову что-то такое эдакое про возможность открытия врат, или даже про найденный Камень Демиурга, то и тогда бы шеф не обратил на это внимания. За все время, которое он знал Паукова Сергей первый раз видел его в таком состоянии. Эдуард Александрович, как и положено вышколенному управляющему, сидел на самом краешке кресла, стараясь не смотреть на шефа. Елезаров потихонечку потянул на себя папку, ожидая, что шеф возразит или еще как-нибудь проявит свои желания. Но Виктор Анатольевич никак не прореагировал на это, а продолжал молча сидеть в кресле, уставившись в одну точку, словно вообще находился не здесь.

Воспользовавшись его, так сказать, эмоциональным отсутствием, Сергей очень тщательно изучил дело Одина, но никакой особо интересной или полезной информации из него для себя не подчеркнул. Ну, разве что, его настоящее имя. Но и оно ничего не давало для решения его проблем. Имя, как имя. Правда, становилась очевидна их связь с Красавчиком, но это так же ничего особо не проясняло. Ну работали они вместе на прииске, и что? Сам Красавчик был совсем из другого мира, и ничего общего с тем, что интересовало Елезарова или Паукова и вовсе не имел. Сергей так углубился в свои размышления, что пропустил тот момент, когда шеф вышел из своей то ли задумчивости, то ли эстетической комы. Когда рука Паукова возникла буквально перед носом Елезарова и взяла папку с делом Одина, он даже слегка вздрогнул.

Пауков с насмешкой глянул на своего молодого соратника, и каким-то скрипучим, больше подходящим древнему старцу голосом, проскрежетал:

– Ну, и что ты тут смог найти полезного для нашего дела?

Сергей сразу встал в стойку и слегка капризным тоном, небрежно ответил:

– А что тут можно подчерпнуть из этого старья. Ничего полезного для нас я тут не вижу. Ну работали они вместе на нелегальном прииске, и что с того? Как это объясняет способности Одина? Этот Красавчик просто заурядный зэк, который, судя по его делу, не отличался особым умом. Один – это совсем из другой так сказать «оперы». Их связь нам ничего не дает. Тем более, что Красавчик уже мертв. Концов не осталось. И как это привязать к самому Одину, я ума не приложу. Думаю, что никак. Бесполезное занятие...

Пауков глянул на него как-то странно, и с кривой усмешкой проговорил полувопросительно:

– Ты так думаешь?

В его голосе уже слышались знакомые ядовитые нотки, такие привычные и уже почти родные. Елезарова очень сильно заинтересовало, что же такое его шеф увидел в деле Одина, что это даже выбило его из привычной колеи, заставив проявить некоторые человеческие эмо-

ции, которым, уже казалось, не было места в этой пустой и холодной душе. Пауков продолжал смотреть на Сергея каким-то странным взглядом, будто пытаясь влезть ему в мозг и прочесть все его тайные мысли. Сергею стало не по себе из-за этого взгляда, но он заставил себя смотреть на шефа прямо с хорошо сыгранной легкой обидой и недоумением. Мол, чего это вы, дяденька, ко мне цепляться вздумали? Виктор Анатольевич вдруг устало вздохнул и опустил голову.

– Ладно, Сережа, иди, отдыхай. Завтра тебя ждут твои подопечные. Продумай хорошенько, как построить с ними разговор, чтобы выйти хоть на какой-то результат. – Сергей направился к дверям, а Пауков вслед ему проговорил каким-то нерешительным голосом, словно что-то вспомнив. – Да... И попробуй спросить их об этом Одине. И посмотри на их реакцию. Вдруг что-нибудь и прояснится. – Голос его при последней фразе звучал как-то глухо, и если бы у Сергея было довольно фантазии, то он бы сказал, нерешительно, что было тоже весьма странно.

Не дожидаясь какого-либо ответа от Сергея, а также, когда за ним закроется дверь, Виктор Анатольевич обратился к Эдуарду.

– Эдик, разбуди мне всю подноготную этого Одина. Меня интересуют его родители... – И потом добавил фразу, как будто обращался сам к себе. – Таких совпадений не бывает...

Что уже ему ответил управляющий, Елезаров не слышал. Дверь пришлось закрыть под пристальным и подозрительным взглядом секретаря Паукова, напоминающего робота. Но последние слова, сказанные шефом, не выходили из головы Сергея. Какие такие совпадения? Если бы он мог позволить себе пофантазировать, то сказал бы, что Пауков узнал на фотографии и по настоящей фамилии Одина. Но такого просто не могло быть! Елезаров очень хорошо знал всю биографию Паукова. В его жизни не было людей по фамилии Важин, и уж конечно, никаких связей с тюремным миром. По крайней мере, в тех материалах, которые видел Елезаров. А их контора умела выкапывать даже самые, казалось бы, незначительные детали из жизни тех людей, которые были ей интересны. А Пауков был уже давно на крючке конторы. Именно благодаря этому Сергей в свое время и оказался в команде. Бывших, как говорится не бывает.

В вагоне Елезаров расположился с удобствами в гостиной и стал поджидать шефа. У него внезапно возникла идея опробовать свои вновь открывающиеся способности на Паукове. Вагон был защищен от наружного воздействия различных излучений, но не от внутренних. Идея ему очень понравилась, и он стал разрабатывать некий план, как ее осуществить. После полчасовых раздумий, он вынужден был с грустью признать, что пока не готов к таким экспериментам. Не умеет он еще управлять своими вновь открывшимися силами, да и самих сил как следует не знает. А если шеф что-то заподозрит, тогда Сергей может поселиться в соседнем боксе, рядом со стражем, и с тем, другим, которого они считали посыльным. А этого он точно не хотел.

Пока он так пребывал в раздумьях, послышался звук шагов и Пауков вошел в гостиную. Вид имел задумчивый и несколько рассеянный. Подошел к буфету, плеснул себе в стакан коньяка, и уселся в кресло напротив Елезарова. Но вел себя так, будто в комнате он был совершенно один. Сергей тишины не нарушал, молча поглядывал на Паукова в ожидании, когда тот первым заговорит с ним. И шеф заговорил. Но совсем не о том, чего ожидал Сергей. Крутя бокал в руке, Виктор Анатольевич задумчиво проговорил, обращаясь к Елезарову:

– Ты когда-нибудь влюблялся, Сережа?

От такого вопроса Сергей чуть из кресла не выпал. Уставился на собеседника большими глазами и растерянно захлопал ресницами. Не дожидаясь ответа, с какой-то тоской в голосе, Пауков продолжил:

– Знаешь, любовь – это такое чувство, которое делает нас слабыми, беспомощными. Нельзя допустить, чтобы любовь овладела миром. По крайней мере, не нами. Те, которые внизу, пускай успокаивают себя этой сладкой сказочкой. Когда человек влюблен, его можно брать голыми руками и делать с ним, все что тебе вздумается. Но для этого, ты должен быть

сильным. Этот мир понимает только власть и силу! Я хотел бы уничтожить само понятие любви! – Пауков с силой сжал кулаки и хрупкий стакан с остатками коньяка треснул в его руке, разлетевшись на мелкие кусочки.

Шеф, чертыхнувшись, соскочил с кресла, и кинулся к буфету, где стояла аккуратная стопка салфеток. Из его ладони прямо на пушистый ковер закапала кровь, оставляя некрасивые буроватые пятна на светлом ворсе. Елезаров, все еще с изумлением, смотрел на это представление, не в силах вымолвить ни одного слова. Вытерев руку, и кое-как замотав ее салфеткой, чтобы остановить кровь, Пауков нервно заходил по комнате взад и вперед, не в силах справиться со своими эмоциями. Он выглядел больным человеком, у которого не все хорошо с головой, а его слова и фразы, которые он выкрикивал, бегая по комнате, были понятны только ему одному, и больше были похожи на горячечный бред, чем на внятный разговор.

– Этого не может быть!!... Через столько лет, она догнала меня... Не смогла сама... Прислала своего сына... Я должен найти его!! Найти и уничтожить, чтобы даже памяти не осталось... Чтобы не было продолжения... Это она... Она – ведьма...!! Она с того света лишила меня моего сына... А я на этом свете найду ее сына и уничтожу его!! Я переверну весь мир, но я его найду!! – Он вдруг остановился на всем бегу и, закрыв лицо руками, вдруг разрыдался, повторяя со всхлипами только одно имя. – Оля... Оленька... Как же так, Оленька...?!

В его голосе было столько любви и боли, что казалось эти чувства, как вода затопили вагон, не давая возможности вдохнуть полной грудью. И Елезаров очень сильно пожалел, что вовремя не ушел в свою комнату, а стал свидетелем всего происходящего. Это были непростительные минуты слабости Паукова, и Сергей отлично понимал, что свидетелю собственного падения Пауков этого ни за что не простит и никогда не забудет. А еще, в голове у него вертелся один и тот же вопрос. Что же все-таки произошло сегодня, что так повлияло на этого холодного, расчетливого, как питон, человека, его шефа? Он бы многое отдал, чтобы суметь ответить на этот вопрос. Но задавать сейчас вопросы Паукову – это себя не любить. Поэтому, он сидел тихой мышкой, стараясь слиться с оббивкой кресла. Было бы лучше, если бы шеф вообще забыл о его существовании на данном этапе, по крайней мере.

Несколько минут ничего не происходило. Затем, Виктор Анатольевич отнял руки от лица, с брезгливым выражением откинул окровавленную салфетку на пол, и посмотрел прямо на Елезарова абсолютно сухими глазами. За эти несколько минут, казалось, Пауков постарел на несколько лет. Морщины собрались на лбу и около рта, глаза блестели каким-то лихорадочным огнем одержимого человека, он весь как-то ссутулился, будто усох за эти несколько минут, дорогой костюм на нем обвис и выглядел нелепо. Он сделал несколько шагов по направлению к сидящему Елезарову и сухим, надтреснутым голосом произнес:

– Забудь все, что ты здесь видел и слышал. Ступай к себе...

Сергей молча кивнул, и выскользнул за дверь. Только оказавшись в своей спальне он начал нормально дышать.

Глава 3

Олег так глубоко задумался, что не заметил, как дошел до дома. В окошке горел приветливый свет, манящий в изобильное тепло. Он знал, что баба Марфа не спит, поджидает его за какой-нибудь простой работой. Или вяжет очередной шарфик, или половички из лоскутков составляет. На душе сразу стало тепло и отчего-то тревожно. Олег ощущал всем своим существом, как будто над крышей неказистого домика нависла серая туча. Эх, какую глупость он совершил, придя сюда!! Ведь знал же, понимал, что жизнь его будет непредсказуема и опасна! Нет! Все равно прельстился домашним уютом и добрыми душами бабушки и внука, которые его согревали, привязывали к этому месту посильнее любых оков. А теперь, как видно, придется рвать с мясом, иначе могут попасть эти люди, ставшие ему родными, в безжалостные жернова Копейщиков.

Сначала Олег хотел потихоньку взять лыжи и отправиться к Глухариной пещере, не говоря никому ни слова. Но он понимал, что если не придет вовремя с работы, то баба Марфа будет волноваться. Поэтому нужно было зайти и предупредить старую женщину, чтобы ложилась спать и не ждала его, а у него дела еще есть. Обметя веником-гольцом из осенней полыни снег с обуви, Олег тихо вошел в дом. Старушка вскинула на него обеспокоенный взгляд, а увидев его живого и здорового, облегченно выдохнула и кинулась к печи, собираясь кормить своего постояльца. Олег остановил ее порыв, тихонько проговорив:

– Баба Марфа, я на секундочку забежал, сказать, чтобы ты не волновалась и не ждала меня. Я сейчас ухожу, у меня еще дела есть.

Бабулька встревоженно всплеснула руками.

– Господь с тобой, сынок! Какие же еще дела? Ночь на дворе...

Олег понимал, что это были риторические вопросы. Баба Марфа и сама не ждала на них ответов. Он ободряюще ей улыбнулся, и вышел из дома. В сараюшке взял лыжи, и сразу направился в лес. Кругами на этот раз ходить не стал, чтобы обойти избу Стража, в которой нынче жил посторонний, чужой и опасный человек. Света в окошках не было, но из печной трубы шел дымок. Значит, кто-то в доме все же был. Но, по деревенской привычке, спать ложились рано. Накрыв себя мороком невнимания, Олег спокойно прошел мимо этого дома и сразу направился напрямик к Глухариной пещере.

Ночь стояла лунная. Высоко в небе ветер гнал клочья облаков, похожих на встревоженных птиц, а внизу, под кронами деревьев была тишина. Снег серебристо-ртутным ковром искрился на ветвях деревьев, на редких прогалинах и полянках. Где-то заухал филин, твякнула лисица, вышедшая на охоту. Снег под полозьями лыж уютно похрустывал, как картофельный крахмал.

До Глухариной пещеры оставалось чуть меньше трех километров, когда Олег почувствовал звенящую тяжесть в голове. Он остановился, прислушиваясь к своим ощущениям. Да, пожалуй, тут начинается слабое действие проклятого прибора, установленного у врат. Достав из кармана черную коробочку с горошинками наушников, он внимательно осмотрел ее, и усмехнулся, понимая, как глупо это выглядит с его стороны. Ведь он не технарь, и все равно не понимает всего механизма работы этого устройства, так чего тогда его разглядывать взялся? Достав бережно наушники, он вставил горошины в уши, и опять прислушался к себе. Вроде бы тяжесть из головы ушла? Или ему так кажется, под воздействием собственного внушения? Проверить можно было только на деле. И он заскользил неслышно меж деревьев, стараясь держаться в тени, отбрасываемой могучими елями, сам похожий на такую же тень.

Чем ближе он приближался к вратам, тем осторожней становилось его продвижение. Приборы приборами, но Олег не забывал, что в Глухариной пещере сидят еще и охранники. Конечно, бездействие последних дней могло сказаться на них слегка расслабляюще. Но недо-

оценивать опасность Олег был не склонен. До врат оставалось уже метров триста, когда Олег остановился, спрятавшись за исполинским стволом старого дерева, внимательно прислушиваясь к тишине. Елезаров не обманул. Действие наушников действительно нейтрализовывало всякие излучения. Он не ощущал никакого давления на свой мозг. Олег осторожно выпустил поисковую нить, постепенно расширяя зону ее воздействия. Охранников он нащупал сразу. Но что-то там у них совсем недавно произошло. Яркие малиновые всполохи страха окрашивали мозг всех троих. Хаотичное движение мыслей, перемешанных с каким-то ужасом, не давал ни малейшего шанса понять, что же их все же так напугало. Один из троих караульщиков, как видно, старший над ними, сохранил некие крупинцы здравого смысла, и теперь пытался решить дилемму, сообщать начальству о произошедшем или не сообщать. Склонялся ко второму варианту, не сообщать, здраво опасаясь, что от хозяев может достаться сильнее, чем от того, кто их так напугал. В голове у старшего роился какой-то неясный клубок из образов не то человека с двумя медвежьими головами, не то медведя с двумя человеческими. Разобраться в этом не представлялось возможным. По крайней мере, в ближайшие несколько часов. Сидеть тут под елкой и ждать, когда они успокоятся, у Олега не было ни малейшего желания. Он попытался проявить настойчивость, чтобы все же понять, что или кто их так напугал. Но это привело только к одному – у старшего мысли тоже начали сплетаться в некий малиново-коричневый клубок страха и безнадёжности. В конце концов, Олег бросил это бесполезное занятие. Что напугало охрану, по сути, его не касалось. Пускай их хозяева сами разбираются со своими подчиненными, а главное, зачем он пришел сюда, уже выполнено.

Наушники работают исправно, давая надежную защиту от дьявольских аппаратов Копейщиков. И это приносило некую надежду, что у них с Елезаровым может что-то и сложиться. Безусловно, Олег не собирался полностью довериться этому типу, который еще совсем недавно был ярым врагом. Предательства с его стороны он не опасался, но Олег очень хорошо понимал, на что способны Копейщики. Елезаров и сам может не подозревать, что находится под их контролем. Задача была непростая. Но рискнуть, все же, стоило. Только следовало хорошенько подумать над тем, как обезопасить тех, кто стал ему в последнее время так дорог. И еще, он хорошо понимал, что теперь его цель становилась намного шире.

Помимо того, что необходимо было вывести из плена Стража и курьера, ему нужно было уничтожить лабораторию комбината. Это было намного сложнее. И дело было даже не в технической части этой задачи. Дело было в другом. Необходимо было уничтожить не только механическую часть этих дьявольских штук, но, получалось, что вместе с железом и документацией уничтожению подлежали и люди, которое это все изобрели. А это уже было прямым убийством. Был, конечно, еще один вариант, взять, так сказать, их в плен, и пускай старцы сами с ними разбираются. Но это уже было похоже больше на войсковую операцию, чем на диверсионную, и Олегу одному это было явно не по силам. Хотя... Кое какие мысли у него появились на этот счет. Но следовало все хорошенько обдумать и взвесить. И, конечно, следовало более откровенно пообщаться с новым «соратником», Елезаровым. Он вполне мог подсказать какую-нибудь здравую мысль. По крайней мере, на Олега он произвел человека умного и понимающего в подобных делах. Только вот времени на это почти не оставалось. Того и гляди, уставшие ждать результата от плененных Копейщики, скоро начнут «разбирать» тех на запчасти, решив исследовать их мозг, так сказать, напрямую, в своих дьявольских лабораториях.

Всю дорогу до дома Олег и так и эдак прикидывал, что можно было сделать, чтобы достичь намеченной цели. План пока еще был корявеньким, но он надеялся, что завтрашняя встреча с Елезаровым сможет прояснить кое-какие моменты. Следующее утро принесло обычные хлопоты. Антон рано утром уходил в школу, бабуля его провожала. Слоны, как и обещал, прислал двух работников, и они с утра пораньше уже стучали топорами, меняя нижние подгнившие венцы бани. Домом было решено заняться по весне, когда настанет тепло. Олег, поговорив несколько минут с работягами, успокоив бабу Марфу, что все идет по плану, отправился

на железную дорогу. До встречи с Елезаровым оставалось еще часа полтора, но ему нужно было предупредить Наталью о том, что ее магазин сегодня утром будет превращен в конспиративную явку. И еще неплохо было бы осмотреться по сторонам. Мало ли. Береженого Бог бережет, как говаривала баба Марфа.

Олег внимательно осмотрел все подступы к магазину, а также удобные пути отхода. Заранее вставил в уши волшебные горошины, и уселся неподалеку на платформе на скамейке, изображая слегка подвыпившего и уставшего мужичка. Привлечь к себе внимание властей он не опасался. Похоже, властям и вовсе не было никакого дела до жителей, хоть голым с топором бегай по поселку, никто внимания не обратит. Здесь случались «гастроли» и почище, особенно, в день зарплаты. Наталью он предупредил о приходе «гостя», которого она должна была провести в подсобку. Жена Михася была золотая женщина. Не задала ни одного лишнего вопроса, не выказала ни любопытства, ни удивления. Просто молча кивнула Олегу, мол все сделаю, не бойсь.

Елезаров явился почти вовремя, опоздав всего минут на десять. Олег увидел его издали. Он шагал расслабленной прогулочной походкой, крутил головой по сторонам, изображая из себя праздного шатающегося чужака, невесть каким ветром, занесенным в эту глухомань. Со стороны было понятно, что человек в этом поселке совсем посторонний, идет, осматривается. Хотя, рассматривать здесь, по большому счету, было совершенно нечего. Вроде бы все соответствовало «легенде», но Олега что-то тревожило. Он посмотрел на приближающегося к магазину человека несколько другим зрением и увидел то, что и ожидал увидеть. За Елезаровым тянулась, словно хвост, серовато-мутная дымка чужого внимания. За ним следили! И следили ментально. Олег усмехнулся. Дилетанты, даже не потрудились замаскировать свой интерес более скрытой формой. Ну что ж, с такой «слежкой» он справится легко, само по себе это не напрягало. Чего-то подобного Олег и ожидал. Было бы удивительно если бы Копейщики оставили без внимания «прогулки» Елезарова. Успокаивало только одно, эта слежка была скорее формальной, чем предметно-пристальной. И легкий морок со стороны легко введет ее в заблуждение. Вот, если бы сам Елезаров стал предпринимать какие-либо меры, это бы сразу заметили. Олег неспеша поднялся со скамьи, на которой сидел, и с праздным видом болтающегося бездельника, расслабленной походкой зашагал к магазину. У самого входа полез в карман, выгреб оттуда горсть монет, и принялся их пересчитывать. Затем, удовлетворенно кивнув, будто отвечая самому себе на вопрос, потянул дверь магазина на себя. У прилавка стояла Наталья и с суровым видом отчитывала какого-то пьянчужку. Елезарова нигде видно не было. Скорее всего, он уже ждал Олега в подсобке. При виде нового посетителя продавщица и глазом не моргнула, и Олег с удовольствием подумал про себя, что все-таки женщины намного лучшие актрисы, чем мужчины. Никому бы и в голову не пришло, наблюдая за этой картиной, что эта розовощекая, улыбчивая женщина сейчас в данный момент организует конспиративную встречу, которая может для нее, в случае провала, очень плохо обернуться.

Олег вдруг подумал о Катерине. Она тоже мастак подобного искусства, и любому может заморочить голову так, что никто даже помыслить не сможет о ее истинных намерениях. Мысли о любимой нагнали легкую грусть, но Олег себя одернул. Нашел время для ностальгических воспоминаний! Катюша сейчас дома, работает, все у нее в порядке. Там с нею Прон и Асхат, они ее в обиду не дадут. А ему следует как можно быстрее выполнить то, зачем он сюда пришел, и вернуться к своей привычной жизни.

Пьянчужка наконец отцепился от прилавка, зажав в руке, словно величайшую драгоценность, вожделенную бутылку пива, и шаткой походкой вышел из магазина. Наталья открыла прилавок и заговорщицким шепотом проговорила:

– Тебя гость в подсобке ждет. А через час Михась подъедет, если что...

Что, если что, уточнять не стала, а просто лихо ему подмигнула. Олег быстро прошмыгнул в подсобку, где ему порывисто навстречу поднялся Елезаров. Олег с легкой усмешкой посмотрел на новоявленного соратника, и проговорил:

– За тобой следят. Так что будь осторожен в своих поступках и мыслях.

Глаза Елизарова испуганно расширились, и он тревожным шепотом проговорил:

– Я проверял, хвоста не было, это точно...

Ох ты, Господи... Да мы тут еще и в шпионов играем. Олег уселся на перевернутый ящик и ответил:

– Следят ментально. Видно, есть там у вас в команде кто-то, владеющий ментальной силой. Не скажу, что великой, но недооценивать противника я бы не стал. – И предвидя следующую вопрос, успокаивающе проговорил. – Сейчас ты торгуешься в магазине с продавцом, очень недоволен, как тебя обслуживают. Так что не волнуйся. Но времени у нас не так много. Так что, давай приступим к обсуждению наших насущных дел. – И закончил, отвечая на вопросительный взгляд Елезарова. – Я морок наложил, легкий, не очень заметный.

Собеседник хлопнул растерянно на него пару раз ресницами, но быстро взял себя в руки, и начал говорить:

– Вчера твое дело к нам доставили. Пауков, как только прочитал твою фамилию, сразу взбесился, словно его кто ужалил. Твою мать звали Ольга? – Олег настороженно кивнул в ответ, и Елезаров продолжил. – Скорее всего, Пауков был с ней знаком, и скажу более того, даже влюблен в нее. Оттого он зол неимоверно и обещает тебя со дна морского достать и уничтожить. Тебе опасно появляться на комбинате.

Елезаров замолчал, уставившись в ожидании ответа на своего собеседника. А в голове у Олега заметались мысли, которым сейчас точно было не время. Он усилием воли взял себя в руки и спокойно проговорил:

– Значит, дело должно быть сделано в ближайшее время. И еще, необходимо уничтожить все эти установки. Они грозят бедой не только нам, но и всем остальным людям. У тебя есть какие-нибудь соображения на этот счет?

Елезаров на несколько мгновений задумался, а потом ответил:

– Давай, я расскажу тебе все, что знаю, а потом мы вместе подумаем, что можно сделать. Только у меня есть вопрос к тебе. Ты мне поможешь разобраться в происходящем со мной? Меня это изводит, будто кто-то разрывает на части мою сущность. – Он мучительно сморщился, сам не ожидая от себя подобной цветистости речи.

Олег усмехнулся.

– Людям иногда всей жизни недостаточно, чтобы разобраться в себе. А ты хочешь, чтобы я за десять минут все разложил тебе по полочкам? Понимаю, что тебе хочется быстрее понять и определиться, но для этого нужно время. А у нас с тобой, пока существует это ваше гнездо, увы, мой друг, нет. Поэтому, сначала нужно решить основную задачу, а потом мы будем разбираться с тобой. Могу только сказать одно, что, возможно, поможет тебе самому хоть что-то понять: посещение врат ни для кого не проходит бесследно. Энергия врат такова, что все, что пребывает за их гранью должно находиться в гармонии. И эта энергия приводит в движение энергию твоей души, заставляя ее как бы переродиться и уравновеситься. А тебе известно, что любое рождение – это прежде всего боль. Так что, тебе предстоит пройти весь этот путь и выпить эту чашу до дна. Но, я почему-то думаю, что ты с этим справишься. А мы тебе поможем. Но только после того, как сделаем дело.

Елезаров задумчиво смотрел на Олега, а потом тихо произнес:

– Понимаю, это моя плата за возможность стать самим собой...

Олег нахмурился и сурово произнес, став на какое-то мгновение похож на Учителя Турала:

– Глупец!! Ты привык в своем мире, что все продается и покупается!! Но это не так!!! Наш мир устроен по другим законам! Ты отдаешь, потому что так просит твоя душа, а не потому, что так требует закон сделки. И вселенная отвечает тебе взаимностью, если все, что ты делаешь идет от чистого сердца. Это и есть – гармония. – Затем он проговорил уже спокойнее. – Но если ты предпочитаешь наши отношения вывести на уровень сделки – твое право.

Елезаров насупился при этих словах, сердито буркнул:

– Я еще не знаю законов вашего мира. Я привык жить по тем законам, которые существуют в моем. – А потом добавил с тяжелым вздохом. – А в моем мире слова «гармония» никто не употребляет.

Олег усмехнулся.

– А ты еще удивляешься, почему тебя так ломает и корежит. Твоя душа стремится к гармонии, изначально заложенной в формулу жизни самим Творцом, а твой мир ее не пускает. Ладно. Будем считать, что отношения прояснили. Теперь я хочу услышать об устройстве вашей темницы, где находятся наши люди. И еще, расскажи мне о лаборатории, в которой создают эти адские машины, мутящие разум людей.

Елезаров сосредоточился на несколько минут, вспоминая все детали, а потом, попросил листок бумаги и карандаш, чтобы нарисовать схему проходов. Олег усмехнулся.

– Нам не нужны ни бумага, ни карандаш. У нас нет на это времени, да и опасно это, оставлять письменные свидетельства. Просто сосредоточься и мысленно представь все эти пути.

Сергей сначала хотел было удивиться, но потом, вспомнив, с кем имеет дело, прикрыл глаза, и начал вспоминать.

В общей сложности, они потратили на все про все всего-то минут сорок. Пора было расходиться. Долгое пребывание Елезарова в продуктовом магазине могло вызвать подозрение у его начальства. Да и Олегу следовало сегодня явиться пред светлые очи начальника кадров, дракона по имени Маргарита Алексеевна. Причина этого вызова была не ясна, что вызывало некую тревогу у Олега. Ситуация, похоже, начинала выходить из-под контроля. А это уже было не очень хорошо.

Он дождался, когда уйдет Елезаров. А тут приехал Михась. Нужно было как-то объяснить другу всю эту конспирацию. Олег мялся несколько секунд, пытаясь подобрать правильные слова, но Михась его опередил:

– Да не старайся так, друг Один. Я давно понял, что дела у тебя непростые... – Наклонился к Олегу поближе и шепотом добавил. – И опасные. Но, с нами ты можешь не таиться. Если считаешь ненужным нас посвящать в свои тайны – не надо. Скажешь, когда можно будет. За Наталью мою не бойся. Она не из болтливых, да и любопытством особым не страдает. Тут другое дело. Федька должен был еще дней пять назад из своей тайги вернуться. Продуктами там затариться, байки свои охотничьи рассказать, да отдохнуть маленько. Не мальчик уже, чай, по тайге без передыху носиться. А вот нет его, и чего-то у меня свербит. Не случилось ли чего? – Он вопросительно посмотрел на Олега.

Тот задумчиво запустил пятерню в бороду, раздумывая, чем он может помочь, а потом спросил:

– А у него в тайге никакой избенки нет случаем?

Михась обрадовано стукнул по плечу Олега.

– Как не быть?! Конечно, есть! – Потом как-то сник, и виновато глянул на друга. – Только изба та отсель километров десять-пятнадцать будет. Мне туда не дойти. Сам знаешь, ходок по тайге из меня никакой.

Олег с усмешкой покачал головой.

– Да, знаю... Ты вот что... Давай еще денек выждем, может еще и объявится. А если нет, тогда обрисуешь, где та изба стоит, я выходной на работе возьму, и сбегаю, гляну. А вообще-

то, я бы на твоём месте не волновался так. Федюня у нас в тайге родился. Ему она, что тебе дом родной. Думаю, все будет хорошо. Если что, я через денек загляну, тогда все и обсудим. Добро?

Михась повеселел, и радостно закивал головой. Попрощавшись с другом, Олег зашагал в сторону комбината. Нужно было зайти в отдел кадров, и узнать, чего они там еще удумали?

Глава 4

Олег направился на комбинат, помня, что его просили зайти в отдел кадров. Но никаких мыслей на этот счет в его голове не было, и, соответственно, никакого беспокойства по этому поводу тоже. Все его думы были направлены на ту информацию, которую он получил от Елезарова. Судя по всему, пробраться в пресловутые подземелья, где были заточены Страж и курьер, было практически невозможно. По крайней мере, без серьезного боя. Силы у него, конечно, были недюжинные, но и он со всем этим славным коллективом в один момент вряд ли мог справиться в одиночку. Елезаров, конечно, обладал кое-каким потенциалом, но силы были у него еще не измеренные, способности не отточенные, да вообще, в любой момент могли дать сбой. Так что рассчитывать он мог только на себя самого. А это означало, что придется искать какой-то другой вариант входа и выхода заодно. Его необычайно заинтересовал тот вход в подземелья, который вел куда-то вглубь горы, и который Копейщики просто замуровали. Нужно будет понять, куда эти ходы ведут. Возможно, именно в них и будет их общее спасение, и выход из этой безнадежной ситуации. Плюс ко всему, нужно было что-то делать с лабораториями и с людьми, там работающими. Вот, пожалуй, в этом Елезаров и мог быть очень полезным. Он всю внутреннюю «кухню» этих лабораторий мог изучить поближе, так сказать, изнутри. Да и понимал в современных защитных системах намного лучше Олега.

Со всеми этими размышлениями он не заметил, как очутился перед дверями, ведущими в отдел кадров. Стряхнув с себя все эти думы, словно пес, выбравшийся из воды, отряхивает мокрую шерсть, он накинуд легкий морок того простачка, которым всегда прикрывался на работе, с нехитрыми мыслями и желаниями обычного затюканного работяги. Возможно, это вовсе не Маргарита следила за Елезаровым (а скорее всего это была не она. И Олег почти был в этом уверен), но осторожность лишней не будет. И только после этого осторожно открыл дверь, ведущую в коридор. Дверь в отдел кадров была распахнута настежь, что само по себе уже настораживало. Легкой, почти бесшумной походкой таежного жителя, он прошел к открытой двери, и заглянул в кабинет. Комната была пуста. На столе были разложены какие-то бумаги. На самом верху лежала его рабочая карточка. Значит, дракон изучал его дело. Это настораживало и одновременно озадачивало Олега. Не такой уж он выдающийся работник, чтобы уделять столько внимания его персоне. Дальше посмотреть у него не было возможности, так как в коридоре слышались тяжелые и в тоже время, торопливые шаги. Олег успел отойти от стола и присесть на краешек стула в уголке кабинета, когда туда ворвался дракон по имени Маргарита Алексеевна.

Олег сразу соскочил со стула и застыл в покорной позе, всей своим видом выражая, мол, звали, барыня, вот я и явился перед ваши светлые очи. Маргарита, по-видимому, не ожидала здесь кого-нибудь увидеть, вздрогнула, и приложила свою внушительную ладонь в область, где должно было находиться сердце. Судя по всему, на положенном месте таковое не прощупывалось, и поэтому дракон сурово нахмурился и протопал на свое рабочее место, грузно плюхнувшись на стул. Ветхая мебель горестно скрипнула под нешуточной тяжестью, но не развалилась, привыкшая к подобному обращению. Маргарита Алексеевна, все еще хмуря брови, уставилась в бумаги, а потом на замершего в углу Олега. Сурово буркнула:

– Присаживайтесь, Олег Николаевич. Я вот чего вас вызвала. У нас тут кладовщик приболел, а заменить некем. Так я подумала, может вы возьметесь совмещать должность уборщика с кладовщиком. Работа нетрудная. Там только по расписанию нужно материалы в лабораторию выдавать, и то после трех часов. Думаю, для вас деньги-то не лишние будут. Вы у нас уже вторую неделю работаете. В пьянке не замечены, да и на работу не опаздываете. Так что, вот, как говорится, с сегодняшнего дня можете приступить к работе. Владимир Иванович распорядится, чтобы вам расширенный пропуск выдали, для прохода внутрь комбината. – И не

дожидаясь от Олега какого-либо согласия или отказа, по-монаршьи мотнула рукой. – Вот, тут распишитесь за материальную ответственность и ступайте. Вас Владимир Иванович ждет на проходной, где и проинструктирует более подробно.

Олег поставил закорючку внизу листка с мелко-напечатанным текстом, и попрощавшись вежливым «до свидания» с драконом, вышел из отдела кадров и направился на проходную, с усмешкой думая, что, наверное, где-то там, на небесах, усердная богиня Среча положила золотую нить удачи на его узор судьбы. Теперь, проникнуть в лабораторию будет намного проще.

Завхоз его уже поджидал на проходной. Все формальности с пропуском заняли не более трех минут. Вся процедура проходила под пристальным и бдительным оком старичка-вахтера Остапа Григорьевича. Будто он опасался, что Олег мог невзначай спереть под шумок простенькую шариковую ручку. Затем они вдвоем с завхозом отправились вглубь территории комбината, принимать хозяйство. К разочарованию Олега, внутрь здания Владимир Иванович его не повел. С торца здания имела пристройка, со стороны напоминающая низкий и длинный коровник, прилепленный кое-как спешно и нелепо к основному зданию. Вход в это несуразное помещение был со стороны улицы. Завхоз своим ключом отворил дверь и шагнул внутрь. Рядом с входной дверью находился выключатель. Лампы дневного света вспыхнули под потолком, освещая бесконечные полки и шкафы, установленные по всей длине вытянутого кишкой помещения. Олег сразу обратил внимание на тяжелую металлическую оплетку внутри всего помещения, что, по-видимому, служило защитой от излучения. Начальство заботилось о своих подчиненных. На такой ответственной работе, как выдача инструментов, мозги работника должны быть не затуманены. Олег усмехнулся про себя. Ну что ж, лишний раз использовать подарок Елезарова наушники-глушилки не придется.

Тем временем, строгий завхоз объяснял Олегу:

– Вот смотри, когда кому что понадобится, звонят из коридора. Твоя задача человека впустить, и все по документу выдать. Вникать что, да для чего, тебе никакой нужды нет. Все приборы промаркированы, и в документах тоже серийный номер указан будет. Твое дело строго проверить совпадение номеров, чтобы какой ошибки не вышло, выдать инструмент под роспись вот в этом журнале. – И он ткнул пальцем в толстую амбарную книгу, лежавшую на старом и облезлом письменном столе, втиснутом между двумя большими полками. – И имей ввиду, за инструментами приходят с трех и до шести часов пополудни. В другое время, ни-ни, как бы не упрашивали. Во всем должен быть порядок! – Воздел он заскорузлый толстый указательный палец с грязным обломанным ногтем вверх. Олег только покладисто кивал головой в знак согласия, да в самых ответственных местах поддакивал. Завхоз строго взглянул на нового работника, понял ли? Натолкнувшись на преданный и внимательный взор, удовлетворенно крикнул, и добавил, чуть подобревшим голосом. – И смотри тут в оба. Иногда может начальство заявиться, или с проверкой, или еще по какой надобности. Управляющий наш, Эдуард Александрович, а то гляди и сам Виктор Анатольевич. – Выдал он почтительным полусшепотом имена наиглавнейшего начальства. Увидев, как слегка расширились глаза у подчиненного при упоминании последнего имени, Владимир Иванович принял торжественно-строгий вид. Мол, пусть боятся подчиненные, начальство и след бояться!

Удовлетворенный эффектом от своей небольшой лекции, завхоз оставил Олега одного, предупредив его, что минут через сорок придут первые посетители. Олег, чуть не пояснично поклонившись вслед гордо удалявшемуся завхозу, думал о своем. Взорвать все здесь, конечно, можно будет легко и без проблем. С оборудованием помогут Михась со Слоном. За ними дело не встанет. Но делать это стоило только одновременно с уничтожением и самих лабораторий. А когда начнется переполох, можно будет попытаться освободить под шумок и пленных. План был довольно прост, если бы не одно «но». Этим «но» было возможное и незапланированное появление начальства. Ведь, если это произойдет внезапно, подготовиться к такому будет весьма сложно, так даже морок не успеешь наложить, какой требуется. А ведь это самое началь-

ство видело его фотографию, хотя и почти тридцатилетней давности. Хотя, его шрам был узнаваем в любом возрасте. Но бояться раньше, чем наступит страх, никакого смысла не было.

Необходимо было как-то связаться с Елезаровым, и попытаться с ним все это как следует обговорить. Но искать сейчас его ментально в этом осином гнезде было очень опасно. Ведь кто-то же следил за ним, когда Сергей пришел в магазин на встречу с Олегом! И у этого человека были вполне себе незаурядные способности. А с такими способностями почувствовать чужое ментальное проникновение было совсем элементарно.

Пока он так рассуждал, где-то под потолком раздался звонок, по звуку больше напоминающий скулеж раненой собаки. Олег, накинув привычный морок незаметности, чтобы его лицо не привлекало внимания, и выглядело неким расплывчатым пятном, очертания которого потом никто вспомнить не мог, отправился открывать двери. На пороге стоял довольно шуплый человечек в огромных очках с толстыми линзами, больше напоминавший ученую мышь, которую по забывчивости не кормили недели две. Белый халат, в который человечек был одет, мог вместить в себя не только его самого, но и еще парочку таких драконов, как Маргарита Алексеевна. Взлохмаченные волосы делали его похожим слегка на помешанного, хотя, возможно, он таковым и являлся.

Не успел Олег распахнуть дверь, как человечек прошмыгнул внутрь, сунув новому кладовщику в руки какие-то листки бумаг, и помчался в дальний угол этого кишкосарайного склада на ходу что-то бормоча себе под нос. Олег, было, попытался его догнать, но сразу же запутался в хитросплетениях полок и стеллажей, и в первую же минуту потерял человечка из виду. По поведению пришедшего, он понял, что это, скорее всего, обычная практика выдачи инструментов и оборудования. Пришедшие сами все приносят, что им надо, и кладовщику вовсе не обязательно себя утруждать беготней по складу. В общем, работенка была непыльная. Успокоенный этой мыслью, он направился обратно к месту, где стоял ветхий стол. Достал журнал, пролистал его до чистой страницы и приготовился вписывать туда информацию по получению. Но и тут он не угадал. Юркий человечек, похожий на недокормленного мыша, вынырнул откуда-то из глубин склада, бережно неся в руках, запакованные и запаянные в целлофан какие-то предметы. Около стола покрутил их еще перед своими глазами, стараясь удостовериться, что это именно то, что ему было необходимо. Затем, выхватил из рук слегка опешившего Олега ручку, и быстро вписал в чистую строку какие-то загадочные буквы, вместе с номерами, а после расписался напротив строки, совершенно не обращая внимания на кладовщика. Олегу показалось, что его присутствия посетитель даже не заметил.

Это внушало некий оптимизм. Здесь было даже лучше, чем во дворе, где он постоянно чувствовал какое-то назойливое внимание. А на складе он почувствовал себя невидимкой. Хотя, расслабляться и здесь не стоило. Елезаров ему говорил, что повсюду на комбинате натяканы видеокамеры. Причем, они были небольших размеров и легко маскировались в бытовых предметах так, что заметить их не посвященному во всю эту техническую мишуру человеку было довольно затруднительно. Но даже если за ним и ведется наблюдения, то оно было неспособно проникнуть в его мысли, и у Олега появилось время все как следует обдумать и взвесить. А еще, он не успел всунуть горошины наушников себе в уши, так все быстро произошло. Если на складе и было экранирование, защищающее его от любого излучения, то на улице такового не имелось. А в этом месте лучше было оставаться во всеоружии всегда. Поэтому, Олег словно нечаянно задел рукой за толстый журнал, лежавший на самом краю стола, и тот с внушительным грохотом шлепнулся на пол. И надо же, какая неприятность, ручка закатилась глубоко под стол, к самой стене. Встав на четвереньки, Олег полез под стол, доставать столь нужный в его новой работе предмет.

Не успел он выползти обратно, уже с черными горошинами в ушах, как раздался звонок в дверь, возвещающий о приходе нового посетителя. Олег слегка насторожился. Вроде бы, завхоз сказал, что посетители будут приходить четко по времени. И этот звонок, можно сказать,

был вне графика. Проконтролировав наличие морока, который делал его лицо слегка расплывчатым так, что любой, кто его видел не мог бы потом рассказать, как он в действительности выглядел, Олег отправился открывать дверь. На пороге стоял высокий представительный мужчина в строгом костюме и белоснежной рубашке. Его острые пронзительные глаза внимательно оглядели нового кладовщика с ног до головы. При этом Олег почувствовал легкий холодок вдоль спины, явный признак того, что его пытаются просканировать ментально. Такой резкой проверки он не ожидал, но натренированный мозг среагировал сам, выставив двойную защиту. Но, проблема была в том, что этот ментальный щит на собственный мозг снимал полностью морок с его внешности.

Пришедший человек еще внимательно осматривал нового кладовщика с минуту. На его строгом и холеном лице отразилась некая тень недоумения. А Олег про себя мысленно поморщился. Он не ожидал ментальной проверки так скоро и вовремя не предпринял все необходимые меры предосторожности. И теперь все зависело только от того, насколько был ментально силен пришедший. Тем временем, человек переступил порог и, не здороваясь, проговорил:

– Я управляющий этого предприятия. Пришел посмотреть, как наш новый работник справляется со своими обязанностями. – И, будто спохватившись, добавил. – Ну, и безусловно познакомиться с новым членом нашего дружного коллектива. – Он сам почувствовал, как фальшиво звучала последняя фраза, и невольно сморщился. А затем, уже совершенно другим тоном, более строгим и официальным, добавил. – Меня зовут Эдуард Александрович. А с вашим личным делом я успел ознакомиться, Олег Николаевич. И после добавил вкрадчивым голосом. – А, может быть, все же Олег Ильич?

Глава 5

В себя я приходила медленно и неохотно. Все тело болело, будто меня сначала разобрали на сотни мелких частей, а потом второпях, особо не заморачиваясь, слепили вместе. Первое, что я увидела – это медленно колеблющийся дымчато-серебристый занавес прямо у меня перед глазами. Врата!! Те врата, через которые я прошла! Или, точнее сказать, через которые меня провел Турал. Эта колышущаяся дымка, напоминающая легкий прозрачный платок из органзы, блекла и истаявала на моих глазах, словно последний лучик света, связывающий меня с той, другой жизнью, из которого я ушла сама. Света она давала не так много, и я не успела осмотреться и понять, куда это меня занесло. Вскоре и она погасла, оставив меня в полнейшей, абсолютной темноте. Мысли лихорадочно заработали, но, увы, ничего продуктивного так и не родилось в моей несчастной, гудевшей, как колокол, голове. Я попыталась наскрести хоть какие-нибудь плюсы в создавшейся ситуации. Первым делом подумала о том, что если бы я не увидела гаснущие врата, то, скорее всего, подумала бы, что я ослепла, таким непроглядным был вокруг мрак. Это внушало некий оптимизм. Я уселась поудобнее, все еще чувствуя головокружение, мельком подумав, что хождение через врата – это еще то удовольствие. Как, интересно, мужчины все это переносят, когда бегают туда и сюда по несколько раз на дню? Наверное, привычка. У меня таковой не было, и обзаводиться ею я не имела ни малейшего желания. Вот сейчас, вытащу Олега с Асхатом из всей этой передраги, и больше – ни-ни. Что у меня дел других никаких нет что ли, как только по вратам, да другим мирам скакать?! На что мой внутренний голос ехидненько так заметил, мол, зарекалась свинья...

Вздохнув тяжело, понимая в общем-то, что мой внутренний голос прав, и еще немного тихонечко поохав (это чтобы услышать хоть какой-нибудь живой звук), я осторожно встала, усиленно борясь с тошнотой. Вот же, блин! Ощущение такое, будто меня кто по голове крепко шарахнул! Но не шарахнул. Это я знала точно. Что же произошло? Я помнила, как засеребрился вход во врата, и в них шагнул Турал, а я шагнула следом. Значит, старец тоже должен был оказаться где-то здесь. Но я точно знала, каким-то своим чутьем, что рядом не было ни единой живой души. И что же это значит, черт побери?!

Из рассказов Прона, я знала, что пространств и миров существует великое множество. И вообще, мир похож на огромный кусок сыра, в котором неведомые мыши прогрызли множество ходов и нор. Эти ходы могут пересекаться, и тогда такие места называют перекрестками. Они, пожалуй, самые опасные. Потому что из них очень трудно выбраться, очень трудно найти свой путь. Отсюда в русской культуре и возникли сказки про богатырей и перекрестки со стоявшими на них камнями с соответствующими надписями. Пойдешь направо – коня потеряешь, налево-самому убитым быть, и все такое прочее. Но вот как и почему люди попадают на эти перекрестки, Прон мне не рассказал. Да я и сама особо его не расспрашивала. Не думала, что мне это может когда-нибудь пригодиться. Я ведь, в конце концов, не богатырь какой-нибудь там! Вот же засада! Знал бы, где упасть, что называется, соломки бы подстелил. И чего это меня на народный фольклор потянуло? Наверное потому, ответила я сама себе на вопрос, что в народном эпосе мудрость скрыта, на которую мы привыкли не обращать внимания. А, как я смогла сейчас убедиться, совершенно напрасно. Ладно, поохали, поахали, пора и двигаться куда-нибудь. Оставалось решить куда. С этим выходила незадача.

Во-первых, я не могла понять, я застряла в этих переходах межмирья или уже попала, куда надо? А как понять, если кругом темнота, и понять что-либо совершенно невозможно! А у меня даже спичек нет, таежница, называется! И, кстати, карабина за плечом тоже не наблюдается, что удручало меня еще больше. Я вспомнила, как сама сняла его, когда разговаривала с Туралом. Ладно, сидя тут на месте, я вряд ли что придумаю. Под лежащий камень, как известно, вода не течет. Тьфу ты, Господи!! Опять этот фольклор прицепился!

Опираясь на влажную каменную стену, я поднялась на ноги и прислушалась. Ни-че-го... То есть, совсем. Прислушалась к своей интуиции. Как назло, она тоже молчала. Вот же, зараза!! И я решила не нарушать свои правила. Идти только вперед. Тут внутренний голос (прошу не путать с интуицией) ехидненько так хихикнул. Мол, а откуда ты знаешь, где этот самый перед есть? И это меня почему-то разозлило. Вот куда глаза смотрят – там и есть перед! И нечего тут умничать! Не ко времени совсем! Опираясь одной рукой на стену, я стала медленно пробираться вперед.

Каким-то неведомым мне чувством, я знала, что нахожусь то ли в каменной пещере, то ли в тоннеле. Я чувствовала каждой клеточкой своего измученного организма, что вокруг меня камень, а над головой огромная толща земли. Нет, все-таки интересно, как я здесь очутилась, и где Турал? Я сама себя отдернула от этих мыслей. Выбраться отсюда они мне, точно, не помогут. Вскоре впереди я, конечно, не увидела, а почувствовала большое пространство. Подземная пещера, и думается мне, что преогромная. Да еще тут стали слышаться помимо тонкого противного звука падающих капель воды, какие-то шорохи. Медленно склонившись к полу, я одним привычным движением достала из-за голенища нож-засопожник, который, к счастью, остался при мне.

Нет, страх – все-таки, это тормоз, и он же – движущая сила человечества. Мозги заработали четко и ясно. Не иначе, как с перепугу! Я ведь могу проверить окружающее меня пространство ментально! Я ведь это теперь тоже умею! И сразу выяснится причина всех этих шорохов. Я оперлась на каменную стену и закрыла глаза. Хотя, зачем закрыла – не знаю. Хотя так, хоть эдак – все равно ни черта не видно. Наверное, сработала привычка. Сосредоточилась, постаравшись выбросить из головы все лишние мысли. С первого раза ничего не получилось. Наверное, неправильно отсортировала, какие мысли лишние, а какие – нет. Сделала глубокий вздох и попробовала еще раз. Мир вокруг меня как-то странно изменился. Из черного непроглядного мрака превратился в какой-то серый кисель, больше напоминающий густой туман. И в этом киселе не было ни огонька, ни искорки, которые бы свидетельствовали, что чья-то живая душа находится поблизости.

Но это ментальное «зрение» позволило, помимо всего прочего, как бы увидеть в общих очертаниях место, в котором я так внезапно очутилась. Нет, конечно, не так, как можно было увидеть нормальным зрением. Но камни тоже излучали некую энергию, что давало возможность понять общую конфигурацию места, где я находилась в данный момент. Чутье меня не подвело, я действительно была в довольно большой пещере, потолок которой терялся где-то очень высоко надо мной. И, только подняв наверх голову, я смогла увидеть легкие трепещущие огоньки. Летучие мыши, догадалась я. Именно шорох их крыльев и издавал те звуки, усиливаемые акустическими свойствами камня, которые меня так встревожили. С некоторым облегчением я вздохнула. Змеи и подземные чудовища отменялись на ближайшее время, и то хлеб. Но, я смогла уловить и еще кое-что, помимо мелких и безобидных зверушек, висящих кверху ногами над моей головой. Чуть впереди меня, может быть, всего-то шагах в тридцати, был выход из этой пещеры, и оттуда шел какой-то темный, похожий на течение реки, поток. И меня вдруг неудержимо потянуло туда.

Я бы не могла этого объяснить даже сама себе. Но почти была уверена, что именно там и находится то, зачем я сюда пришла. Нет, я не чувствовала Олега, хотя пыталась пробиться к нему. Правда, я не была уверена, что он находится где-то поблизости. Перед тем, как шагнуть за светящуюся завесу врат, я думала о нем. Это получилось чисто автоматически. Когда у меня не было особых ситуаций, как, например, в последний раз с Проном, или, на худой конец, каких-либо особых заморочек на работе, я всегда думала об Олеге. И вот, шагая через врата, я опять думала о нем. Но, по-видимому, моих ментальных сил было еще недостаточно, или они были какими-то не такими, как, например, у Олега или Прона, поэтому пробиться к любимому мысленно у меня не получалось. Его словно окружала звенящая пустота, в которой

для меня не было пути. Хорошо. Я тяжело выдохнула и открыла глаза, становясь опять абсолютно слепой. Если меня тянет туда, значит, я туда и отправлюсь. А проблемы будем решать по мере поступления.

Кое-как, поминутно спотыкаясь о валяющиеся повсюду камни, я доползла до выхода из пещеры. И сразу почувствовала некие изменения. Всем известно, что, когда человек лишается одного или нескольких чувств, таких как, например, зрение, остальные начинают работать в усиленном, так сказать, режиме. К примеру, обостряется слух или обоняние. А у меня обострилось другое чувство. Я его называла «охотничьим чутьем». Это когда ты еще ничего не видишь и не слышишь, но твердо уверен, что зверь, которого ты выслеживаешь, находится именно в том, а не в другом направлении. И, если ты не мешаешь этому чувству работать всяческими глупостями, наподобие цивилизованных сомнений «этого не может быть», и отпускаешь это чувство на волю, позволяя свободно тебя вести в определенном направлении, которое обычному городскому человеку может показаться глупостью или вообще невозможным, тогда ты достигаешь своей цели быстро и без особых проблем. Я не раз и не два испытала это на себе, и уже полностью доверяла этому чутью. Вот и сейчас, я чувствовала всем своим существом, что иду туда, куда надо.

Пещера осталась за спиной. Единственное, что помогало мне продвигаться вперед и служило мне своеобразным зрением, были мои руки и ноги. С замиранием сердца я ощупала стены. К моему удивлению, стены в этом туннеле были гладкими, словно полированное стекло, да и под ногами ощущался совершенно гладкий пол, безо всяких камней и щебня. Это слегка меня настораживало, если не сказать, пугало. Чувствовалось, что это уже было что-то искусственно созданное, к чему приложил руку человек, а не только матушка-природа. Продвигаться стало намного легче, но я старалась все же соблюдать возможную осторожность.

Вскоре я поняла, что могу хоть и смутно, но видеть окружающее меня пространство. Или глаза уже привыкли в темноте, или где-то, совсем недалеко был какой-то источник света. Потолок над головой был абсолютно круглый. В нескольких местах я нащупала на стене какие-то выступы, напоминавшие перевернутые чашки. Было такое ощущение, что это были места для светильников. Где при этом находились сами светильники, спросить было не у кого. А у самой меня мозгов не хватило придумать, куда подевались такие необходимые в этом месте предметы. Место было не просто старым, оно было древним, очень древним, как сами горы, которые составляли хребет Урала. И у меня мелькнула мысль, не приложили ли здесь руку сами гиперборейцы?

Чему-либо удивляться я перестала уже довольно давно, принимая все непривычное и незнакомое, как некую данность. Ну и что, что я не могу ни объяснить этого, ни понять. Оно существовало, и это следовало просто принять. Объяснения будем искать позже. Что-то мне подсказывало, что эти объяснения не внесут покоя в мою душу, а напротив, добавят еще больше беспокойства и чувства некой неуверенности, больше похожей на неприкаянность в этом мире. Усилием воли я отодвинула подальше вглубь своего сознания эти ненужные мысли, и сосредоточилась на своем продвижении вперед.

Вскоре коридор сделал резкий поворот направо. И если бы я не держалась за стену рукой, то точно бы шваркнулась головой о внезапно подвернувшуюся передо мной стену. Благополучно совершив нехитрый маневр, я вдруг поняла, что стала видеть лучше в этой крошечной тьме. Теперь я была уверена, что впереди есть некий, очень слабый источник света. В это же самое время, в голове вдруг раздался непонятный звон, я словно на некоторое время оглохла. Голову словно стянуло стальным обручем, сдавливая виски, а во рту, почему-то, появился странный привкус, будто я засунула в рот кусок ржавого гвоздя. Я остановилась и потрясла головой, пытаясь понять, что случилось. Звон от этого не прошел, но зато пришло понимание. Скорее всего, где-то совсем недалеко работает какой-то прибор, из тех, который я спалила у нашего «егеря». Уж не попала ли я прямиком в логово Копейщиков с их адскими машинками?

Сразу вспомнился Северьян Лукич и оплавленный кусок металла, который был таким аппаратом, умеющим открывать врата в неизвестность, а также влиять на мозги.

Я рассвирепела. Они чего, собрались на мои мозги влиять что ли?! Ну уж это дудки!! Я на минуту сосредоточилась, прикрыв глаза. Представила шумящие под ветром кроны громадных сосен над головой. Этот звук напоминал слабое шуршание волн о прибрежный песок. Он успокаивал, убаюкивал встревоженный разум. Кажется, я даже почувствовало слабое дуновение ветерка на своей щеке и смолистый запах нагретой хвои. Вот она – моя жизнь! А вовсе не ваши дурацкие приборы и волны! Я признаю только один шум в голове – шум тайги. Вдохнув глубоко аромат леса, я улыбнулась. Эх, господа Копейщики... Как мне жаль вас. Какие вы сырые и убогие со своим железом и мечтами о вечной жизни. Зачем вам она? Если вы не умеете ценить здесь и сейчас, не умеете наслаждаться тем, что дал вам Творец, не видите красоты окружающего мира, не слышите его песен, не чувствуете его запахов?!

Открыла глаза. Обруч вокруг моей головы исчез. Слабый звон еще оставался, но уже не звучал так надоедливо, как раньше. Я увидела впереди себя стену, сложенную из камня, через которую кое-где просачивались слабые лучики голубоватого света. Уже более уверенным шагом, я подошла к этой стене. Щели были такими узкими, что увидеть что-нибудь сквозь них не представлялось возможным. Может быть, я смогу что-нибудь услышать? Прижавшись плотно ухом к одной из щели, замерла, задержав дыхание. Ничего. Только какое-то легкое гудение, которое не давало ни малейшего представления, что же там находится за этой стеной. Постаралась внимательно осмотреть каменную кладку. Возможно, где-то есть какой-нибудь проход внутрь того помещения, откуда доносится этот слабый гул. Очень грубая работа. Камни лежат как попало, выпирая наружу неровными краями. Судя по небрежным потекам бетона, не такая уж и старая. Ощупав всю стену, поняла, что никаких тут входов-выходов нет. Но несколько камней снизу были неустойчивы, шевелились в пазах. Строители, вероятно, пожалели бетона. Но разбирать сейчас немедленно, безо всяких инструментов было проблематично. Да и особого желания оказаться там внутри у меня как-то поубавилось.

Поняв, что выхода здесь я не найду, тихо чертыхнулась. Значит, надо возвращаться назад и искать возможность выбраться с другой стороны. Села прямо на каменный пол и с облегчением вытянула уставшие ноги. Голова немного гудела, но уже не так, как вначале, когда я только зашла в это ответвление коридора. Данное обстоятельство меня слегка порадовало. Уже неплохо. Немного посидела, размышляя над ситуацией. Это, наверное, даже не плохо, что выхода здесь нет. Еще неизвестно, куда бы он меня привел. К сражению с Копейщиками я была сейчас явно не готова. У меня из всего оружия только и есть, что один нож. С таким боевым комплектом много не навоюешь. Карабина и того нет. Вот черт! Посетовав еще немного на собственную бестолковость, встала, собираясь идти обратно. И тут в голове у меня все поплыло, словно подернулось каким-то туманом. Я шлепнулась обратно на гладкий пол, и на какое-то время отключилась.

Открыла глаза, и сразу же опять зажмурилась. Меня окутывал какой-то серебристо-жемчужный свет. Отвыкшие от света глаза стали сразу слезиться. В следующий раз глаза открывала осторожно. Я все еще сидела в том же коридоре. Только перегораживающей стены не было вовсе. Коридор тянулся дальше, в глубь. Стены туннеля поблескивали, отражая неяркое свечение. Я, сидя на полу, стала крутить головой, пытаюсь понять откуда исходит этот свет. Ну конечно! Те странные наросты на стенах коридора, я правильно определила как светильники. Именно от этих, словно перевернутые каменные чашки, наростов и струилось слабое сияние. Коридор был пуст. Я осторожно, держась одной рукой за стену, поднялась на ноги. Мне показалось, или воздух в коридоре стал каким-то другим. Более сухим, что ли.

Опять крепко зажмурилась, а потом вновь открыла глаза. Все оставалось по-прежнему. Нет, конечно, я привыкла принимать всякие чудные вещи, как данность, но это, по-моему, уже было как-то чересчур. Тут вдруг в дальнем конце коридора мелькнула чья-то тень. Моя рука

невольно опять потянулась к голенищу ботинка, где был спрятан мой верный друг, нож-засопожник. Но, почему-то, опасности я не чувствовала. Вскоре я могла уже четко видеть фигуру человека. Одежда на нем была какая-то чудная. Словно монах в длинной рясе. Только ряса была из простой льняной светлой ткани с вышитыми узорами по подолу и рукавам. Подпоясан этот человек был темно-синим кушаком. Длинные до плеч, чуть выющиеся светлые волосы, аккуратная борода. Довольно молодой. Он мне чем-то напоминал моего мастера Андрея. Буквального сходства, конечно, не было, но что-то такое, неуловимое во взгляде делало их похожими, словно дальние родственники.

Было такое ощущение, что человек меня не видит, хотя, я стояла прямо почти напротив него. Он приложил ладони лодочкой к светильникам – чашкам на стене, и свет стал меркнуть. Кое-как придя в себя от изумления, я сделала шаг ему навстречу, намереваясь спросить, как отсюда выбраться. Но человек, казалось, совсем меня не замечал, хотя, я могла дотронуться до него вытянутой рукой. Я, окончательно осмелев, громко позвала:

– Эй послушай... Как отсюда выйти?

Я, конечно, понимала, что обращение «эй» к незнакомому человеку было не самым вежливым обращением. Но в данной ситуации мне как-то было безразлично, что подумают о моем воспитании. У меня просто было жгучее желание поскорее выйти отсюда. Но мужчина, пройдя мимо, продолжал сложенными ладонями гасить светильники один за другим, совершенно не обращая на меня никакого внимания, словно я была пустым местом! Тогда я вознамерилась приступить к более решительным действиям. Подошла почти вплотную и попыталась схватить человека за рукав. Моя рука поймала воздух, а я встала столбом с отвисшей челюстью и глупо хлопала ресницами. Тем временем человек поднес свои ладони к последнему светильнику, и свет в коридоре померк. Меня опять окутал непроглядный мрак. Мне хотелось заорать во все горло от отчаянья, но из горла вырвался только какой-то хрип.

Я очнулась сидя, прислонившись к гладкой поверхности полированного камня. Из-за неровной кладки стены пробивались, словно тонкие ниточки, едва заметные лучики света. Это что, был сон? Или у меня совсем крыша съехала или начались галлюцинации? Вот только этого мне еще и не хватало! Протерла лицо руками, словно пытаюсь сбросить с себя некий морок, который налипал на меня в этом странном месте, будто мокрый снег к обуви. Так, пора заканчивать с этими фокусами и фантомными видениями. Нужно выбираться быстрее отсюда, пока я не начала показывать воробьям фигушки и разговаривать с белками. Если невозможно выйти здесь, то нужно искать выход с противоположной стороны. Очень не хотелось покидать этот закуток, так как здесь все же был какой-никакой свет.

И тут мне в голову пришла сумасшедшая мысль. Может не зря меня посетило видение человека, гасившего светильники? Может стоит попробовать? Сделав несколько шагов от тупиковой стены вглубь коридора, нащупала на стене каменную чашку. Постаралась вспомнить до мельчайших подробностей, как тот человек складывал ладони. И сосредоточилась на своем желании зажечь свет. Приложила ладони, стараясь воспроизвести все, как делал тот человек, сосредоточилась на желании зажечь свет, и... Ничего не произошло. Не могу сказать, что я уж очень сильно надеялась на положительный результат, но, по всей вероятности, некоторые надежды все же были. Потому что в душе возникла некое чувство не то обиды, не то разочарования. Хотя, совершенно непонятно, на кого я обижалась. Постаралась избавиться от этих недостойных и не нужных чувств. Ну что ж, я попыталась. Не вышло, и ладно. Будем выбираться безо всяких чудес, как привыкла, рассчитывая только на себя.

Я уже сделала несколько шагов вглубь коридора, когда меня посетила весьма здравая мысль. Ведь этот человек из моего странного видения ГАСИЛ светильники, а не зажигал их! Возможно, процедура зажигания должна совершаться обратным действием. У меня даже сердце учащенно забилось от этих мыслей. Так, спокойно. Ладони сложены лодочкой, словно прикрывают горящие светильники, а чтобы их зажечь...? Может быть, стоит попробовать про-

извести некий пасс открытыми ладонями? В конце концов, что я теряю? Как у нас говорят, за спрос в лоб не стукнут. Сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы успокоить трепыхающееся сердце, я развела руки ладонями вверх над светильником в обе стороны, закрыла глаза, пытаюсь мысленно представить себе тот серебристо жемчужный свет, а потом медленно их свела над самой каменной чашей, будто в моих ладонях и вправду был трепещущий огонек. Внезапно мне стало жарко, словно я стояла у горящего костра. Я открыла медленно глаза, и чуть не заорала от восторга.

Свет был не такой яркий, как в моем виденье. Больше похожий на язычок пламени маленькой свечи. Но он был! У меня получилось! Ноги почему-то вдруг затряслись, и я медленно сползла по стене прямо под зажегшимся светильником, только сейчас ощутив, сколько сил было мной вложено в это простое действие. Свет был очень слабым, каким-то трепещущим, как огонек на ветру, казалось, легкое дуновение сквозняка – и он тут же погаснет. И это меня заставило подняться на ноги. Нужно было спешить. Потому что, я не знала откуда брался этот свет, и что это была за энергия. Скорее всего, здесь соединялась энергия моего желания с еще какой-то неведомой мне силой. И эта сила была очень древней, готовой иссякнуть в любой момент.

Я пошла по коридору от светильника к светильнику, зажигая эти чудесные огоньки. Потом, спохватившись, вернулась назад, и стала гасить самые первые, понимая, что нельзя было оставлять здесь свет. Так я металась, словно укушенная до самого окончания этого коридора, пока не добралась до пещеры с летучими мышами. Остановилась на выходе, понимая, что дальше светильников нет, и мне придется пробираться в кромешной тьме, по неровному полу, по остаткам битого камня. А главное, неизвестно, куда меня этот путь выведет. Я долго не решалась погасить последний светильник, не желая опять оказаться во мраке. Но стоять здесь бесконечно долго было нельзя. Да и смысла в этом не было никакого. И тут мне в голову пришла сумасшедшая, практически, бредовая мысль. Раззадоривая сама себя, я шепотом проговорила:

– А что я теряю? Ничего... Нужно попытаться...

Я, встав на цыпочки, попыталась заглянуть в чашку светильника. Это у меня не получилось, слишком высоко. Ну и ладно! Попытаюсь, как есть. Кто сказал, что если я увижу, ЧТО светится там, в глубоких каменных чашах, то смогу лучше понять, как действовать дальше. Ведь не придумывала я никакого, ни научного, ни логического объяснения, когда их зажигала! И тем не менее, у меня вышло. Я опять развела руки ладонями кверху над каменной чашей последнего светильника, закрыла глаза и представила себе, как осторожно беру в ладони стужу света и бережно несу его в ладонях. Сомкнула руки, словно подчерпывая из неведомого колодца плавающий там огонек, отражение сверкающей на небе звезды. Ладоням стало вдруг горячо, почти нестерпимо. Я с силой сжала зубы, чтобы не вскрикнуть. Все еще с закрытыми глазами, я бережно опустила сомкнутые лодочкой ладошки на уровень своей груди, и только тогда раскрыла глаза. Мягкий и горячий шарик света лежал в моих ладонях, излучая слабое сияние. Светильник был погашен. От неожиданности я замерла сусликом, чуть не опустив руки и не выронив этот трепещущий неведомый огонь. Несколько минут смотрела на свои ладони, не смея пошевелиться. А потом, вдруг радостно засмеялась. Мой голос пошел гулять по каменной пещере, отражаясь от ее стен, рассыпаясь мелкими осколками звонких колокольных. Я не пыталась ни понять, ни объяснить себе, как и почему, а просто, вытянув руки вперед, шагнула в гулкую пустоту пещеры.

Глава 6

Я шла по темным коридорам, не замечая ни валяющихся под ногами камней, ни сырых, в водяных потоках, осклизлых стен. Словно этот свет, слабо мерцающий в моих ладонях, был неким волшебным проводником в мире мрака. Наконец я почувствовала слабое движение воздуха, говорившего, что выход из подземных лабиринтов совсем близко. Но источником света, по-прежнему, был только огонек в моих ладонях. С замиранием сердца я следила, как он начал угасать, превращаясь в слабую искорку, похожую на гаснущий проблеск костра. И я вдруг обнаружила, что стою в довольно глубоком сугробе, а вокруг меня высятся громадные ели. Над головой было далекое небо с мерцающими звездами, напоминающими огонек, который я только что держала в своих ладонях. Словно он не угас, а блестящей звездочкой взметнулся в высокий бархат неба, чтобы занять достойное место среди своих сестер-звезд.

Я словно очнулась от некоего состояния, удерживающего меня на границе между сном и явью. Несколько мгновений стояла, тупо глядя на свои пустые ладони. Потом выдохнула, будто все это время сдерживала дыхание. Взяла пригоршню снега и умыла разгоряченное лицо, чем окончательно вывела себя из какого-то зачарованного состояния. Над лесом выползла половинка бледно-желтой луны, словно обглоданный кусок сыра. Стало светло. Не скажу, как днем, но достаточно, чтобы суметь как следует осмотреться вокруг. Я стояла у входа в пещеру. Вокруг валялись куски скал и раздробленных камней, как будто здесь когда-то была брошенная каменоломня. Хотя, почему, «как будто»? Возможно, здесь и был старый карьер, сейчас густо заросший кустарником ракитника, молодыми березками и елочками. А вокруг высились величественные ели и пихты, похожие на огромные праздничные свечи, задутые озорником-ветром после какого-то великанского праздника.

Я успела сделать несколько шагов в сторону, намереваясь спуститься с насыпи, когда услышала справа от себя, в густом подлеске подозрительный шорох. Замерла, словно настороженный зверек, прислушиваясь к этим звукам. Я почему-то твердо была убеждена, что это был не зверь, а человек. И тут опять с сожалением подумала об оставленном у камней межмирья карабине. Долго сокрушаться по поводу своей глупости времени не было. Осторожно потянулась к голенищу своих ботинок. Рука еще не успела схватить рукоятку ножа, когда из кустов послышался хриловатый громкий шепот.

– Стой, как стоишь! Стреляю без предупреждения!

Я медленно распрямилась, всматриваясь до рези в глазах в темные заросли. Свет от убывающей луны отбрасывал темно-голубые тени от деревьев, и они ложились на искристый голубой снег ровными линиями, словно какой-то пьяный чертежник разлиновал небрежно тушью лист бумаги. Было очень трудно четко разглядеть что-нибудь сквозь эти полосы. Да я, собственно, и не стремилась к этому, понимая всю бесполезность подобных попыток. А еще, я была почему-то совершенно уверена, что за этим голосом для меня не кроется никакой опасности. Послушно выпрямилась и замерла, ожидая, что же будет дальше.

Вскоре, ветки ближайших маленьких елочек зашевелились, и оттуда вышел на лыжах невысокий человек. Из-за меховой шапки на его голове, было совершенно невозможно рассмотреть лицо нового в этой истории персонажа. Но по гибким плавным движениям, по твердо сжимаемому в руках карабину, я поняла, что это был опытный таежный охотник.

– Ты кто? – Голос человека был спокоен и по-хозяйски уверен, что тоже говорило в его пользу.

Не бандит какой-нибудь и не беглый ээк. Скорее всего, кто-то из охотников-промысловиков, которых можно было встретить в тайге довольно часто. Я пожала плечами. На этот вопрос в данный момент у меня был только один ответ: «Конь в пальто». Но язвить в данной ситуации было бы с моей стороны довольно неразумно. И вообще, почему-то, подобный, совершенно

простой вопрос всегда и у всех вызывает затруднение. А и правда, кто я? Ответить, что человек – кажется, довольно глупо. Вроде бы, это было и так понятно. А другого, более подходящего и вежливого ответа мне сейчас в голову не приходило. Пока я ломала голову, что ответить этому человеку, он, то ли устав ждать, то ли сам поняв бесперспективность своего вопроса, попытался удовлетворить свое любопытство по-другому. Заметив, что у меня нет никакого оружия, способного достать его на расстоянии, он убрал карабин, повесив его себе за спину, и опять спросил.

– Ты что тут делаешь?

В его голосе теперь звучало, пожалуй, больше любопытства, чем настороженности. Возможно, он сумел разглядеть во мне женщину, и это его несколько успокоило. Между прочим, совершенно напрасно. Приди мне охота, я была бы вполне способна метнуть в него с такого расстояния свой нож. И смею вас уверить, весьма результативно. Подобное умение не единожды уберегало меня от беды. Я стояла совершенно в расслабленной позе и просто ему ответила:

– Я ищу своих друзей.

Похоже, мой ответ озадачил его еще больше, если бы я и вовсе ничего не ответила. Он склонил голову на бок, и принялся с любопытством меня разглядывать. А я сделала небольшой шаг в его сторону. Он слегка напрягся, и его рука непроизвольно потянулась за карабином. Я успокаивающе подняла руку и проговорила:

– Спокойно... Надеюсь, ты не боишься меня? А мне уже надоело стоять чуть ли не по пояс в снегу. Холодно. Может, разведем костер, а после и поговорим?

Я очень надеялась, что мой голос звучал спокойно и убедительно. Скорее всего, так и было. Потому что, человек окончательно успокоился, молча развернулся ко мне спиной и спокойно зашагал вглубь леса. Я поспешила последовать за ним. Правда, у меня не получалось так ловко, как у него. Снег был убродный, доходивший мне чуть ли не до пояса, а мой незнакомец был на лыжах. Под самым пологом леса идти стало чуть легче. Но все равно, когда я смогла нагнать своего нового знакомого, он уже складывал сухие ветки посередине небольшой поляны, собираясь разжечь костер. Вспыхнувшее пламя словно магнитом притягивало своим теплом. Я подошла к разгоравшемуся костру и, в извечном движении всех людей в такой ситуации, протянула к огню руки.

Человек подбросил еще несколько палок в костер и взглянул на меня с любопытством. При свете костра мы могли с ним вдосталь любоваться друг другом. Это был хант или хакас, а может быть и манси. Не сильна я была в антропологии коренных народов Сибири. Надеюсь, он тоже сумел удовлетворить свое любопытство по отношению к моей персоне. Воспользовавшись тем, что мужчина занят костром, я решила попробовать просканировать его. Заодно и потренируюсь в своих неокрепших способностях. Чуть прикрыв глаза, я отпустила свою мысль на свободу. Человек, сидевший напротив меня у костра окутался сине-зеленоватым свечением, с легкими остаточными полосками светло-коричневого цвета настороженности, что успокоило меня окончательно на его счет. Никаких коварных или злых умыслов. Только легкая тень любопытства и доброжелательность, с некоторым оттенком настороженности. Ободренная таким быстрым результатом, я решила «прощупать» и окружающую нас тайгу. Так, на всякий случай, на предмет засевших где-нибудь в засаде недругов.

Недругов я не обнаружила, зато... Я, не удержав своих эмоций, негромко вскрикнула:

– Асхат...?!

Затем, забыв, что нахожусь на поляне не одна, сосредоточилась и направила свою мысль уже по четко-обозначенному направлению. Сомнений не оставалось! Это был он! Только его аура была не совсем обычной. Он был болен, или ранен! Но его жизни уже ничего не угрожало! Медведь тоже ощутил мое прикосновение, и я почувствовала его ликование. Затем, едва

слышно прозвучала его мысль: «Иди на закат... Я жду тебя...» Открыв глаза, я с удивлением увидела направленное прямо на меня дуло карабина, и человек, державший его зло спросил:

– Кто ты?

Честно говоря, я уже на радостях слегка подзабыла, что нахожусь на поляне не одна, и, видимо, поэтому, не сдержавшись ответила весьма ехидно:

– Кто, кто... Конь в пальто!!! Чего ты ко мне прицепился, словно я украла твои любимые унты?! Я что, тебя трогаю, мешаю тебе, что ты пристал ко мне со своими дурацкими вопросами?! Между прочим, когда ко мне в тайге встречается человек, то я его сначала накормлю, а потом уже спрашиваю. Ты что, в детстве сказок про Бабу-Ягу не читал?!

Мужчина слегка опешил от такого моего «здрасьте», и растерянно захлопал ресницами. А потом с некой ноткой любопытства спросил:

– А кто такая, эта твоя Баба-Яга?

Вот же, блин! Нашел время славянским фольклором интересоваться! Я с досады аж рукой махнула, мол, отстань. А потом сама принялась приставать к нему с вопросами.

– Скажи, ты тут в лесу, случайно, не встречал медведя?

Только проговорив вопрос, я поняла, как он глупо прозвучал. Пока я соображала, как бы его сформулировать правильно и доступно, человек меня удивил, ответив совсем просто:

– Встречал... А почему ты спрашиваешь? И кто такой Асхат? Кого ты звала?

Вопросов было слишком много, но я на них даже не прореагировала, уцепившись за его ответ. Для меня в данный момент важнее всего было только одно: он встречал медведя, и, скорее всего, это был наш Асхат. Откуда у меня взялась такая уверенность, я бы не могла сказать, но точно это ЗНАЛА. Вцепившись в него взглядом, я задала только один вопрос:

– Где? Где ты его встречал?

Человека мой вопрос почему-то смутил. Он отступил в сторону, отвернувшись от меня пробурчал:

– Кто ты такая, чтобы я отвечал на все твои вопросы? Это мое дело, где я встречал медведя...

У меня возникло сильное желание схватить его за грудки и встряхнуть как следует. Но я опасалась, что у нас слишком разные весовые категории и мне с ним просто не справиться. Хоть мужчина и был не особо высокого роста, но зато довольно широк в плечах и кряжист. Сжав от бессилия зубы, я зашипела на него рассерженной кошкой:

– Потому что, этот медведь мой друг! И сейчас он болен и нуждается в моей помощи! Возможно, его жизни угрожает опасность в этот самый момент! А я тут с тобой стою и языком мелю! Говори, где встречал медведя? Или ты его сам подстрелил, а теперь боишься об этом сказать?

При мысли об этом, я совсем забыла о наших весовых категориях, а также о том, что в отличие от мужчины, у меня-то карабина не было. Прищурившись, как разгневанная рысь, у которой пытаются отнять ее добычу, я стала наступать на мужика с грозным видом. Тот от неожиданности сделал несколько шагов назад, совсем забыв о том, что у него в руках карабин. Наткнулся на валежину и брыкнулся через нее в сугроб, при этом поспешно повторяя:

– Не стрелял я твоего медведя! Наоборот, я его подстреленного нашел, и в свою избу привел! Лечил его...

Я хмуро глянула на барахтающегося в снегу охотника, и молча подала ему руку, помогая подняться.

– Тогда води меня в свою избу! Чего ты мне тут мозги порошишь?! – Вид у меня при этом был не очень доброжелательный, если говорить мягко.

Моего дружеского жеста охотник не принял. Сам поднялся, потом нашел в снегу свою шапку, которая слетела с его головы, когда он упал. Серdito отряхнул ее от снега, пару раз хлопнув о свое колено. Затем напялил ее на голову и хмуро выдал:

– Медведь не может быть другом человека, если только этот человек не Мось-Аюна! За всю свою жизнь я встречал только одного Мось-Ауюну, и это точно была не женщина. – Легкое презрение засквозило в его последнем предложении.

В ранешние времена я бы дала ему вполне достойный ответ на эту тему, такой, какого он заслуживал. Но сейчас мне было не до словесных дуэлей. Я хотела как можно быстрее оказаться рядом с Асхатом. Следовало слегка умерить свой пыл и поменять тактику, иначе мы так долго можем тренироваться. Надо начинать сначала. Я с мягкой улыбкой «а ля добрая мама» посмотрела на охотника и примирительно спросила:

– Тебя как зовут-то? – И не дожидаясь ответа, представилась сама. – Меня зовут Катерина. И я ищу своих друзей. Один из которых медведь.

Моя ласковость не произвела нужного эффекта. Мужик все еще с легким недоверием смотрел на меня, и неохотно пробурчал:

– Зови меня Федькой.

Он бочком пододвинулся к костру, косясь на мою улыбающуюся физиономию. А я продолжала мурлыкать.

– А скажи-ка мне, Федор, где медведь-то? Где видел? – Чуть не брякнула, что он, мол, медведь, велел мне на запад двигаться.

Но вовремя прикусила язык. Не ровен час, после таких заявлений сбежит мой охотник. Вон он, на лыжах. А мне пешком за ним по тайге не угнаться, это точно. Федор смерил меня взглядом с ног до головы. Судя по его недовольной физиономии, я ему не очень понравилась. И это было обидно. Женщина я, не сказать, что уж писанная красавица, но мужчины довольно часто и с удовольствием на меня смотрели, особенно, если я так зазывно улыбалась. А этот, бука, все больше и больше хмурится, словно перед ним не миловидная молодая женщина, Бабка-Ёжка в ступе. На физиономии моего нового знакомого была явно написана некая неуверенность, словно он в данный момент принимал непростое решение, можно ли мне открыть свою страшную тайну или погодить маленько. Скорее всего, так оно и было.

Но мое терпение, особенно после всего перенесенного за последние часы, было, практически на исходе. Я чуть шире раздвинула губы в улыбке, словно тигр, скалящий клыки, и вкрадчиво прошелестела:

– Федя, ты меня не томи. У меня день сегодня – хуже не придумаешь, да и силы уже на исходе. Мне Бог знает, что пришлось пережить, чтобы только найти путь к этому медведю. А тут ты ломаешься, будто сдобный пряник, только что выпавший из печи. – И я сделала маленький шажок по направлению мужика, чтобы для усиления эффекта от моих слов поближе заглянуть ему в глаза.

Но, увы, он мои слова и действия, скорее всего, воспринял, как некую угрозу. И меня это насмешило. Я представила себе, как в этот момент мы смотрелись со стороны. Какая-то зачуханная баба, непонятно откуда взявшаяся и он, бравый и бывалый охотник, с карабином наперевес. И он еще при этом от меня шарахается. Я чуть все не испортила, собравшись хихикнуть. Но вовремя спохватившись, скорчила серьезную физиономию. Видимо, получилось не ахти как, потому что Федор среагировал моментально, отпрыгнув от меня на значительное расстояние, и вновь потянулся за карабином. Это стало последней каплей в чаше моего терпения, и я, забыв, что передо мной не мужик из моей бригады, рывкнула так, что снег посыпался с нижних веток елей.

– А ну, хорош прикидываться!! Веди меня к Асхату немедленно!!

Мое рывканье не произвело на него ни малейшего впечатления. По крайней мере, такого, какого я ожидала. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы я не произнесла имя медведя. Между прочим, уже во второй раз. Федор наклонил на бок голову, прищурил свои и без того узкие глаза, так, что они превратились в две темные черточки и, растягивая слова, спросил:

– Почему ты называешь его Асхатом?

Подобного вопроса я ожидала меньше всего. Растерянно хлопнула глазами и уже спокойнее проговорила:

– Потому что это – его имя. Тебя вот зовут Федор, а его – Асхат.

Охотник о чем-то задумался на несколько мгновений, все еще рассматривая меня своими глазами-щелочками, потом, словно отвечая самому себе на какой-то вопрос, проговорил:

– Земля большая. Чудес много. Почему бы не быть и женщине Мось-Аюна... – Потом решительно убрал карабин за спину, взял свои лыжи, стоявшие прислоненными к ближайшему дереву в руки, и мотнул мне головой. – Пошли. Тут недалеко.

Мы засыпали костер снегом и стали пробираться вглубь леса. Я вполне оценила его благородный поступок, что он не встал сам на лыжи, а брел впереди меня по снегу. Не думаю, что из солидарности. Скорее всего, сработал некий рационализм его мышления. Если бы он был на лыжах, а я пешком за ним по снегу продиралась, то ему пришлось бы меня довольно долго ждать. Хотя, возможно, мне это только так казалось, а у него могли быть совершенно другие резоны на этот счет. Бредя за ним по снегу, которого здесь под пологом было чуть ниже колена, я попыталась задать ему вопрос, который меня заинтересовал с самого начала нашего разговора.

– Скажи Федор, а кто такой этот твой Мось-Аюна, которого ты встречал, как говоришь, только один раз в жизни? И что вообще значит это слово?

Идущий впереди меня охотник не сразу ответил на мой вопрос. Я уже думала еще раз повторить его, подойдя ближе и гаркнув ему вопрос в самое ухо. Ну кто знает, может он глуховат, или из-за своей меховой шапки плохо слышит? Но делать этого не пришлось. Федор неожиданно остановился так, что я от неожиданности чуть не налетела на его спину. Посмотрел на меня с подозрением, и наставительно, как учитель тупому ученику, проговорил, чуть ли не по слогам:

– Мось-Аюна – это Человек-Медведь. Душа у него, как у медведя, только в человеческом теле. Он – хозяин надо всеми медведями в лесу. Его все медведи должны слушаться...

Проговорив это, словно прочитав мне лекцию, он развернулся и опять пошел вперед. Но на первый мой вопрос, кто такой этот человек Мось-Аюна, которого Федор один раз встречал в своей жизни, он не ответил. Наверное, еще считал меня не достойной его доверия. Хотя, он в этом был, наверное, прав. Я бы тоже не торопилась раскрывать свою душу первому встречному-поперечному в тайге, да к тому же, если этот первый встречный еще и баба. Ничего, все равно попытаю, кто это был таков. Вдруг, я поймала себя на мысли, что мне почему-то очень важно это узнать. Я принялась размышлять, копаться в своих мыслях. С какого такого перепуга мне вдруг приспичило узнать неизвестно о каком мужике, которого в «один раз в своей жизни» встретил какой-то охотник, не то хант, не то манси? Но докопаться до определенности мне не удалось, так как, величественные ели слегка раздвинулись, словно театральный занавес на малой сцене, открывая небольшую полянку, на которой к гранитному лбу скалы прилеплась небольшая избушка.

Я остановилась на самом краю поляны, сердце вдруг учащенно забилося. Федор, который уже почти дошел до самой избы, оглянулся, и, как мне показалось, с удивлением посмотрел на меня. Хотя, конечно, в неверном свете огрызка луны, я могла и ошибиться насчет выражения его лица. Впрочем, мне в данный момент было совершенно безразличны все его эмоции. Я смотрела на темную лохматую кучу, медленно выползающую из-за стены дома. Какая-то теплая волна окутала меня, сердце грозило выскочить из горла в любой момент, ноги почему-то затряслись, и со сдавленным криком я кинулась навстречу Асхату.

Конечно же это был он, наш родной медведь. Утопая в снегу, который на поляне сделался опять более глубоким, я как снегоуборочный комбайн разметаю снег, рванула к нему. Рядом с Асхатом упала на колени, обняла его и, зарывшись в холодную густую шерсть, вдруг разрыдалась, бессвязно между всхлипами повторяя:

– Асхатик, миленький, я нашла тебя... Ты живой... Асхатик, родненький...!!!

Глава 7

Медведь облизывал мое лицо и урчал, видимо, говорил что-то на своем медвежьем языке, словно совсем забыв о мысленном общении. Да и я вспомнила об этом не сразу, а вспомнив принялась лихорадочно представлять мысленно все переживания и тревоги после ухода медведя. Асхат замер, перестав урчать, и в мой мозг хлынули картины всего того, что пришлось пережить косолапому. Он брел сквозь врата, будто в каком-то тумане. Упорно искал Олега не по запаху, как любой другой дикий зверь делал бы на его месте. Словно обозначенный светящимся пунктиром, в его голове был нарисован кратчайший путь, который мог бы его привести к другу.

Когда он вынырнул из врат, расположенных у какой-то пещеры, то наткнулся на сторожей, охранявших эти врата по указанию Копейщиков. Как бы быстро все не происходило, но медведю удалось засечь их мысли, и он понял, что это враги. Но предпринять уже ничего не мог, все закрутилось слишком быстро. Люди растерялись, когда на них из-за мерцающей завесы врат вдруг вынырнула огромная туша дикого зверя. И стрелять они начали с испуга. Даже, скорее, не стрелять, а отстреливаться. Иначе бы медведю совсем не поздоровилось. Ему и от этих беспорядочных выстрелов досталось так, что еле лапы унес. Но по счастью, пули не задели ни одну кость. Хотя, крови он потерял много. Летел от этого места куда глаза глядят, только бы быстрее уйти подальше от этих людей. Да еще помог слабый буран, разразившийся так вовремя. Он замел кровавые следы на снегу, и люди его уже не могли преследовать. Хотя, у меня мелькнула мысль, что преследовать медведя у них не было ни малейшего желания. Они сами были на смерть перепуганы. Перед глазами возникла картинка, передаваемая мне медведем, искаженных от ужаса лиц, перекошенных в воплях ртов, и побелевших от страха глаз. Туманная мерцающая завеса врат довершила дело. Людям показалось, что из врат вышел не обычный медведь, а какое-то многоголовое чудовище, желающее их разорвать в мелкие клочки.

Асхат убрел в горы, и там свалился под большим камнем от бессилия, пытаясь зализать свои раны. Сколько времени он там пролежал медведь так и не мог мне рассказать. У медведей свое представление о времени. Он только сообщил мне, что видел восход луны два раза. Из чего я сделала заключение, что до той поры, когда его обнаружил Федор, прошло чуть более двух суток. Опытный таежник сразу понял, что медведь ранен. Можно сказать, что Асхату невероятно повезло, когда ему встретился именно хакас. У коренных жителей Сибири и Урала было более трепетное отношение к медведям, чем у других рас. Для них медведь был почти-что богом, хозяином тайги, которая была для этих народов и кормилицей, и поилицей, а зачастую, жизнь племени зависела от расположения суровой родительницы. А каким оно будет, зависело целиком и полностью от самого Хозяина, Медведя. У хант даже есть поговорка: «Убить медведя – все равно, что убить человека». Поэтому Федор не принялся сразу палить из карабина по раненному зверю. А Асхат, собрав свои последние силы, постарался передать в мозг охотника картину своей безопасности и разумности, а также, некую просьбу о помощи.

По всей вероятности, эти мысли дошли-таки до разума охотника, потому что тот настороженно остановился и с изумлением и испугом смотрел на громадную бурю тушу хозяина тайги. И, конечно, Федор сразу сообразил, что перед ним не обычный шатун, которого неопытные и глупые охотники подняли из берлоги. Хакас сразу развел костер неподалеку, подвесил над огнем котелок, набитый снегом. Из своего мешка достал какой-то узелок с травами, и принялся врачевать раны бедного мишки. Сначала очень осторожно, с некой настороженностью, а потом все смелее и увереннее. Даже вынул из задней лапы застрявшую там пулю.

Медведь еще сутки пролежал на этом месте, а охотник все это время не покидал медведя, жег костер, приносил косолапому мясо убитых мелких зверей, которых удавалось без особого шума добыть в округе. Из карабина хакас не стрелял, боясь привлечь внимание плохих людей,

ранивших медведя. И вскоре косолапый смог с трудом встать и идти за охотником к его избе. Там Федор накормил его вдоволь мясом ранее добытого лося, и Асхат уже быстро пошел на поправку.

Все это Асхат поведал мне довольно быстро. Передача мысли – это совсем другое дело, чем разговор. Но я все никак не могла отпустить медведя из своих объятий, словно опасалась, что он в ту же минуту исчезнет, растает в воздухе, как мираж или некий фантом. Без конца гладила его огромную лохматую голову, что-то нашептывая успокаивающее, будто малому ребенку. Это состояние душевной расслабленности, словно удалось выдохнуть долго сдерживаемый воздух из груди, прервала мысль медведя.

– Олег рядом. Он в беде. Надо помочь.

Это сообщение вывело меня из моего восхищенно-восторженного состояния, будто мне на голову вылили ведро ледяной воды. Меня так вдохновило, что я нашла Асхата, что он живой и почти невредимый, что на мгновение просто забыла обо всех остальных проблемах. Встрепенувшись, я мысленно спросила лохматого друга:

– Ты знаешь, где он? Сможешь указать? Я не чувствую его мыслей. Все время натываюсь на пустоту. Не могу пробиться к нему.

Медведь ответил почти сразу:

– Он у плохих людей с их плохими машинами, как у того, которого ты поразила небесным огнем. Но они не могут проникнуть в его разум, он смог закрыть его. Но и ты не можешь. Медведь может. Только надо подобраться ближе. Силы надо накопить. С кровью сила ушла. Помочь может охотник. Он тоже знает, где искать Олега. Но он не знает, что может...

Последняя фраза ввела меня в легкий ступор. Что это значит? Может, но не знает, что может? Так может или нет?! Асхат прочел мои мысли, так они были очевидны. Но ответил опять загадочно:

– Он может помочь, но пока не знает, что может...

Мне это объяснение не дало ничего нового, понятнее не стало. Если честно, я пока общалась с медведем, даже слегка подзабыла, что мы тут не одни. А теперь, пытаясь разгадать загадки Асхата, обернувшись, чтобы задать некоторые вопросы Федору. Бравый охотник стоял, прислонившись к углу своей избы, будто ноги не держали его, и глаза у него были круглые, как у перепуганной совы. Я с пониманием отнеслась к его состоянию. Еще бы! Не каждый день можно увидеть подобную картину, как странная баба обнимается с медведем, а медведь ее нализывает своим языком в ответ. Думаю, за всю свою жизнь подобное увидеть ему довелось впервые.

Я встала с колен, деловито отряхнула налипший снег с одежды, и слегка прокашлялась, чтобы таким незамысловатым способом привлечь к себе внимание, а также немного оторвать его от созерцательного состояния. Федор сморгнул, и глаза его вновь приобрели привычную форму щелочек. Шумно выдохнул и провел рукой в варежке по лицу, словно бы прогоняя некий морок. А я стояла и думала, как бы мне правильно сформулировать свой вопрос, чтобы получить вразумительный ответ. Не могу же я просто так, взять и напрямки спросить, мол, знаешь ли ты мужика по имени Олег, у него еще шрам такой, через всю щеку. А потом у меня в голове что-то щелкнуло. Посмотрев пристально на оторопевшего охотника, я вкрадчиво его спросила:

– Ты сказал, что знал в своей жизни только одного Мось-Аюну. Расскажи мне о нем...

Федор опасливо покосился на меня, тяжело вздохнул и как-то обреченно проговорил:

– Пойдем... пойдете в избу... Чего тут на морозе... Скоро рассвет, мороз крепчает. Печь растопим, чая вскипятим...

Предложение можно было бы посчитать весьма здравым, если бы не это его «пойдем, пойдете». Мне стало любопытно, в каком это смысле? То ли он приглашал нас вместе с медведем, что было, в общем-то, не очень обычно, либо проникся за последние минуты ко мне

невероятным уважением и трепетом, что называл на «вы». На всякий случай, я решила уточнить и переспросила.

– Асхат тоже с нами?

Федор растерянно захлопал глазами и с испугом спросил:

– Асхат пьет чай...?

Я чуть с досады не плюнула. Разговор получался какой-то дурацкий. Не знаю сколько бы мы еще с ним разбирались в этом вопросе, если бы не вмешался медведь. В голове у меня возникла картинка, медведь, свернувшийся клубком на снегу, обнимающий лосиную кость. Ничего умнее мне в голову не пришло, как брякнуть:

– Кажется, Асхат предпочитает остаться на улице. Он не любит чая.

Федор от этих моих слов опять округлил глаза и, бормоча себе под нос что-то, как видно, на родном языке, пошел в дом. Я, на прощание потрепав косолапого друга по голове, отправилась вслед за хозяином избы.

Изба была обычная, небольшая, как и сотни других подобных охотничьих избушек, разбросанных по всей тайге. В углу нары, сколоченные из нетесаных досок, накрытые каким-то лоскутным одеялом, поверх которого лежала слегка вытертая волчья шкура. У маленького подслеповатого окошка сбитый из оструганного теса небольшой, посеревший от времени стол. Рядом со столом две небольших лавки. В углу, сложенная из дикого камня, печь с чугунной плитой, на которой стоял эмалированный темно-зеленый чайник с погнутым носиком. Вот и все нехитрое убранство. Впрочем, в доме было довольно чисто. Никаких тебе крошек на столе, мусора на полу. Сухие дрова аккуратной стопкой сложены возле печи.

Федор, запалив огонек в керосиновой лампе, сразу принялся неторопливо разжигать печь. Движения его были спокойны и уверены, правда, руки чуть-чуть подрагивали, видимо, от волнения. Это было нормально. Столько необычных событий за последние несколько часов, кого хочешь выбьют из привычной колеи. Когда огонь в печи разгорелся, он схватил пустое ведро, стоявшее рядом с печью, и рванул с ним на улицу. Вернулся, неся ведро, набитое до самого верха с горкой чистым снегом. Деловито натолкал полный чайник снега, поставил его на печь и уселся на лавку, стараясь не смотреть на меня. Я выдержала положенную паузу, и деликатно покашляла, намекая хозяину, что уже пора и честь знать. Федор тяжело вздохнул и заговорил монотонно и тихо. Мне сначала даже пришлось напрягать слух, чтобы разобрать его речь.

– Я не буду спрашивать тебя, КАК ты общаешься с медведем, и ОТКУДА у тебя эти способности. Таежные жители давно привыкли к тому, что не все в этой жизни можно объяснить словами. Да, и не все нужно объяснять. Лес наполнен тайной. Тут живут духи и боги, которым совсем нет дела до людей. Если мы не нарушаем заведенного ими порядка жизни, то тайга благоволит к нам, одаривает богатыми урожаями и славной добычей. Мой народ чтит этот порядок... – Он покосился на меня, словно пытался проглотить фразу «в отличие от твоего народа». Но к подобному я уже привыкла, и никакой обиды у меня это не вызывало. Это была правда. А кто же на правду обижается? А охотник тем временем продолжил. – Легенда о Мось-Аюне – древняя легенда. Медведь, в своем земном воплощении является сыном бога Торума, отправленный на землю, чтобы помогать людям. Медведь – это связь человека со всеми тремя мирами: небесным, земным и подземным. Он спокойно проходит грани между этих миров, контролируя души людей, и определяя, кто и в какое тело должен вселиться, чтобы пройти намеченный богами путь жизни. Мы редко охотимся на медведя. И, когда собираемся на подобную охоту, долго к ней готовимся, испрашивая у богов разрешения. И мы не говорим «добыть медведя», мы говорим «спустить медведя в селение», как когда-то он спустился с небес на землю. Кости медведя мы спускаем в озеро, в самом чистом и нетронутом людьми месте, чтобы оттуда он мог вновь подняться в небо к своему небесному отцу богу Торуму. Поэтому встретить наяву Человека-Медведя – это величайшая удача, выпадающая не каждому

охотнику. И этим счастливым стал я, простой охотник, раньше ничем особо не отмеченный судьбой. – При этих воспоминаниях его глаза засверкали, плечи гордо распрямились. Он смотрел куда-то в пустоту, словно сквозь меня, будто вновь очутившись в том месте и времени, когда он встретил Мось-Аюну. Я сидела, боясь неловким вопросом или даже движением спугнуть его рассказ. Хотя, мне очень хотелось его поторопить. Все эти легенды и мифы были весьма интересны, и в другое время я бы с огромным удовольствием послушала их, но сейчас мне не терпелось услышать самую суть, потому что я чувствовала, как время медленно струится сквозь пространство избы, вытекая сквозь невидимые щели между бревен дома, похожее на слабые светящиеся лучи утреннего солнца, и вернуть его уже не было никакой возможности. А мысли медведя, о том, что Олегу угрожает опасность, подстегивали меня словно плетсехвостка. Но я не прерывала рассказ Федора, понимая, что иначе он может закрыться, как испуганный еж, и тогда мне придется потратить еще больше времени, чтобы узнать у него то, что мне так необходимо знать. А Федор меж тем неторопливо продолжал. – Мне довелось повстречать Мось-Аюну. И теперь я буду своим детям и внукам рассказывать об этом, чтобы и они своим потомкам рассказывали, что Мось-Аюна – это не сказка. Он есть на самом деле. А встретился я с ним так...

И, наконец, Федор принялся рассказывать свою историю встречи с Мось-Аюной. И с каждым произнесенным им словом моя душа замирала, сжимаясь в клубок. Уже в самом начале его рассказа я поняла, О КОМ идет речь! Он рассказывал мне об Олеге, хотя и не упоминал ни его имени, ни его клички. Я словно вновь оказалась в том летнем лесу, когда впервые его встретила. Словно наяву увидела его сдержанную улыбку, удивленно распахнутые глаза цвета остывшей золы, и сердце защемило, заскулило, будто больной щенок. Я терпеливо дождалась окончания рассказа, смиряя свои эмоции и чувства, и чтобы не терять зря времени, не ходить вокруг да около, просто сказала:

– Я знаю о ком ты говоришь. Один... – Я на секунду замялась, не зная, как правильно выразить то, что хотела, а потом решительно проговорила. – Один мой друг и самый близкий мне человек, а также, он друг Асхата. Медведь мне передал, что Один в беде. И мы с ним пришли сюда, чтобы помочь ему. Только, мы не знаем, где он, и что с ним случилось. Но Асхат говорит, что он где-то близко, и что ты сможешь нам помочь найти его.

Охотник смотрел на меня с недоумением и тревогой. Понятное дело, скажи мне такое кто-нибудь еще пару лет назад, я бы приняла его за сумасшедшего. Или, по крайней мере, подвергла сомнению каждое второе из услышанных слов. Тяжело вздохнула. Не объяснив Федору хотя бы малой части из сути всего происходящего, трудно было бы ожидать от человека доверия и помощи. Быстренько прикинув в уме, что можно было ему рассказать, чтобы он правильно все понял, а что в то же время утаить, чтобы не раскрывать тайну гиперборейцев, отбросив мешающие и ненужные сейчас сомнения, я попробовала объяснить ему ситуацию. Начать попыталась издалека.

– Понимаешь, мы живем в удивительном мире, только не каждый это может понять и принять. Существует множество миров, они пересекаются и соединяются между собой переходами. Вход в эти миры открывается не каждому. И служат таким входом врата, разбросанные по всей земле. Рядом с этим местом, там, где ты нашел медведя, одни из них...

Я замолчала, внимательно глядя на хозяина избышки, пытаюсь понять, какое впечатление произвели на него мои слова. А еще, пытаюсь подобрать правильную линию всей дальнейшей беседы. Федор на меня смотрел прищурившись, выражения его глаз я не могла понять, и это меня несколько напрягло. А вдруг, прямо сейчас он с громким криком «спасайся, кто может!!» рванет из избышки? И что тогда прикажете мне делать? Ментально прочесть его мысли я тоже пока не могла. Мне для этого нужно было сосредоточиться, но переполнявшие меня эмоции мешали это сделать. Я уже было собралась вообще перестать что-либо ему объяснять, как говорится, от греха подальше, когда охотник меня удивил.

– Это мой народ знает давно. Удивительно только, что теперь об этом вспомнила и твоя раса.

Я с дурацким выражением растерянности смотрела на него, хлопая ресницами. Вид при этом имела весьма глупый. Ну, по крайней мере, мне так казалось. Он, по-видимому, ждал от меня какого-то ответа, а я не знала, что ему на это сказать. Ох ты, Господи! Не выйдет из меня Учителя, это точно! Правда, я никогда к этому званию и не стремилась особо, вполне реально оценивая свои способности и возможности. Я как-то невнятно промычала, а потом выпалила, ощущая, что с плеч свалился некий груз:

– Ну, слава Богу! Не придется тебе многое объяснять. – И с облегчением выдохнула.

Федор встал со скамьи и пошел к печке, на которой уже гремел прыгающей крышкой закипевший чайник. И только тогда я почувствовала, что в горле у меня пересохло, а желудок урчит, словно внутри меня завелась целая стая довольных котов. То ли хант, то ли манси (я так и не определилась с его национальностью, а спросить было неловко) споро накрыл на стол. Две эмалированные кружки с отбитой по краям эмалью веселенького голубого цвета с цветочками по бокам, на газетке нарезанное крупными кусками вяленое мясо и несколько сухарей. В чайник он закинул щепоть какой-то сухой травы, и по домику поплыл аромат летних трав, словно я внезапно очутилась в центре нагретого солнцем луга. Мы молча жевали, запивая, слегка обжигаясь, твердое мясо и сухой хлеб душистым напитком, от которого светлело в голове и из всего тела уходила усталость и тяжесть. Первым заговорил хозяин всего этого богатства.

– Мось-Аюна попал к плохим людям...

Я сначала даже не поняла, был это вопрос или констатация факта, поэтому продолжила молча и настороженно слушать, что охотник скажет дальше. Вгрызаясь острыми, как у хищника, зубами в кусок хорчо¹, Федор проговорил:

– Я знал, что так будет. Жизнь Хозяина Медведей всегда полна опасностей. Ты тоже – Мось-Аюна... Правда, какая-то странная. Я никогда не слышал о таких, как ты. И если бы не видел своими глазами, никогда бы не поверил. Говори, что надо делать, чтобы помочь Одину.

Вот так... Все просто и понятно. Безо всяких рефлексий и ненужных объяснений. И я, в который раз подумала, что та культура, которая сейчас пребывает на земле, и которую мы так гордо именуем «цивилизация», только убивает в нас что-то очень важное, отдаляя от настоящего бытия, разрушая все наши связи с природой, дарованные нам Творцом от самого рождения. И что «дикие» народы до сих пор не утратили этой связи. Они не торопятся заменить данное им при рождении на материальные ценности и прочую мишуру, так необходимую нам, чтобы считать себя «цивилизованными людьми».

Я попыталась сосредоточиться и связаться с Асхатом. Медведь спал и чувствовалось, что он был не очень доволен моим вторжением в его мысли. Хотя, я могла и ошибиться, в мысленном разговоре не присутствуют эмоции, или, по крайней мере, их довольно трудно ощутить.

– В каком направлении искать Олега?

Вопрос я постаралась поставить, как можно проще и короче. Косолапый не отвечал. То ли думал, то ли таким образом выказывал свое неудовольствие от моего приставания к нему. Но я терпеливо ждала, понимая, что медведю тоже еще пока не очень просто вот так со мной «разговаривать». Через некоторое время у меня в голове родилось видение какого-то заснеженного поселка. Черная нитка железной дороги перечеркивала его, словно уродливый шрам перечеркивал лицо нищего бродяги. У меня почему-то от этой картинки мороз пошел по коже, хотя ничего необычного, вроде бы, в этом поселке и не было. Таких поселений в нашей стране миллионы, и все они имеют не очень презентабельный вид. Видимо, медведь почувствовал мои эмоции, потому что сразу за картинкой поселка он передал:

– Берегись, плохие люди со своими машинами там.

¹ Хорчо – вяленое мясо у северных народов

И все, больше ни тени мысли, словно медведь закрылся от меня. Но по крайней мере, я уже знала в каком направлении двигаться.

Все то время, пока я общалась с Асхатом, Федор очень внимательно, с каким-то благоговением следил за мной. Лицо его было неподвижным, словно маска шамана, и только глаза, блестящие живым огнем, выдавали его чувства. Не вдаваясь в объяснения, я просто спросила:

– Здесь неподалеку есть какой-нибудь поселок, где бы проходила железная дорога?

У охотника на лице от такого простого вопроса появилось некое разочарование. Не знаю, чего он ожидал. Может быть, что я сейчас взлечу со скамьи или вообще растворюсь на его глазах в воздухе? Но, увы, я его надежд не оправдала. Скорбно вздохнув, как обиженный ребенок, которому вместо обещанного подарка дали метлу и велели подметать двор, он ответил:

– Да, тут рядом. Поселок Заводское. Там и железная дорога имеется. У меня там дом. – Видя мой удивленный взгляд, вызванный его признанием о наличии у него дома, Федор быстро пояснил. – Я там почти совсем не живу. Но у меня там друзья. Они о доме и заботятся. Если Один и появлялся в поселке, то они должны об этом знать. Один и их друг тоже. – И добавил тихо. – Мы все ему обязаны нашей теперешней жизнью.

Меня разобрало любопытство. Интересно, что это за история такая. Но задавать сейчас вопросы Федору не стала. Нужно было решать проблему, найти Олега. Задвинув свое любопытство подальше, я поднялась с лавки, с усмешкой глянула на охотника, и проговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.